

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

НАСТОЯЩЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫДАНО Поплаухину
Александр Семеновичу

ГОДИШЕ ИЛИ В 1940 ГОДУ,
В ТОМ, ЧТО ОН ОБУЧАЛСЯ В СРЕДНЕЙ
ШКОЛЕ № 2 Красноуральска

Волгодонской области ОКОНЧИЛ 7 классов
ПОЛНОМ УРОВНЕМ ЭТОЙ ШКОЛЫ И ОБЯЗАУЮЩИ ПРИ отличном
ПОВЕДЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗАНЯТИЯ:

ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ	<u>отлично</u>
ПО ЛИТЕРАТУРЕ	<u>отлично</u>
ПО АРИФМЕТИКЕ	<u>отлично</u>
ПО АЛГЕБРЕ	<u>отлично</u>
ПО ГЕОМЕТРИИ	<u>отлично</u>
ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ	<u>отлично</u>
ПО ИСТОРИИ	<u>отлично</u>
ПО ГЕОГРАФИИ	<u>отлично</u>
ПО ФИЗИКЕ	<u>отлично</u>
ПО ХИМИИ	<u>отлично</u>
ПО ОБЩЕСТВЕН. ЕДИН. (конспект)	<u>отлично</u>
ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	<u>отлично</u>
ПО РИСОВАНИЮ	<u>отлично</u>
ПО ЧЕРЧЕНИЮ	<u>отлично</u>
ПО <u>русской литературе</u>	<u>отлично</u>

130

10 июня 1940 года

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ

[Signature]

УЧИТЕЛЯ

[Signature]
УЧИТЕЛЯ

Свидетельство Поплаухина Александра Семеновича об окончании семи классов средней школы № 2 г. Красноуральска. 10 июня 1940 года

Р.С.Ф.С.Р.

Народный Комиссариат Просвещения

АТТЕСТАТ

НАСТОЯЩИЙ АТТЕСТАТ ВЫДАН Поплаухину
Александр РОДИВШЕМУСЯ В 1946 ГОДУ.
В ТОМ, ЧТО ОН ОБУЧАЛСЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ № 2
г. Красноуральск Свердловской области

ОКОНЧИЛ

ПОЛНЫЙ КУРС ЭТОЙ ШКОЛЫ И ОБНАРУЖИЛ ПРИ выполнении
ПОВЕДЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗНАНИЯ:

- ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ хорошо
- ПО ЛИТЕРАТУРЕ хорошо
- ПО АРИФМЕТИКЕ хорошо
- ПО АЛГЕБРЕ хорошо
- ПО ГЕОМЕТРИИ хорошо
- ПО ТРИГОНОМЕТРИИ хорошо
- ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ хорошо
- ПО ИСТОРИИ хорошо
- ПО КОНСТИТУЦИИ СССР хорошо
- ПО ГЕОГРАФИИ хорошо
- ПО ФИЗИКЕ хорошо
- ПО ХИМИИ хорошо
- ПО БИОЛОГИИ И МИНЕРАЛОГИИ
- ПО АСТРОНОМИИ
- ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (англ.) хорошо
- ПО РИСОВАНИЮ
- ПО ЧЕРЧЕНИЮ
- ПО физкультуре хорошо
- ПО

4. июня 1942 года
№ 181

Директор школы
Учитель

Аттестат Поплаухина Александра
об окончании средней школы № 2 г. Красноуральска.
4 июня 1942 года

УРАЛЬСКАЯ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ

**УДОСТОВЕРЕНИЕ
К НАГРАДЕ**

ПРЕМИЯ

ИМЕНИ П.Ф. ЛОМАКО

НАГРАЖДАЕТСЯ

**ПОПЛАУХИН
АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ**

ВЕТЕРАН

ОАО "СВЯТОГОР"

УГМК

Генеральный директор
ООО "УГМК-Холдинг"

А.А. Козицын

Приказ № 81
от 29.06. 2005 г.

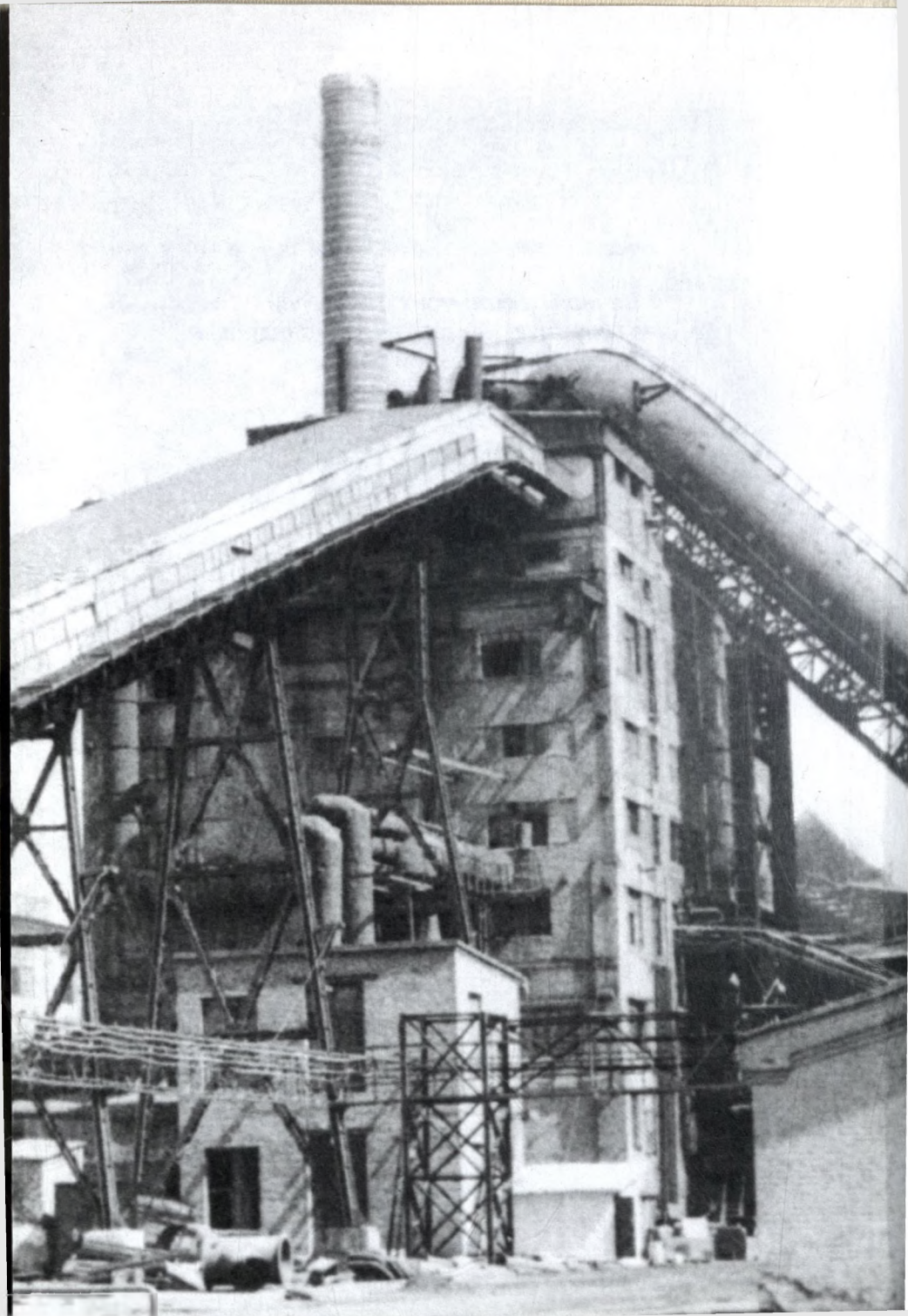
Серия 01 № 015

*Удостоверение к награде
Поплаухина Александра Семеновича*

Вечной памяти моих родителей
Семена Никитича, Елизаветы Александровны
и самоотверженной спутницы
Любови Николаевны
посвящается

В. С. Сидоров

К 63.3
П 57 - 4

Александр Поплаухин

И НЕКОГДА БЫЛО ОГЛЯНУТЬСЯ НАЗАД

- 127196-

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

МУ «Централизованная
библиотечная система»
Издательство «СВ-96»
Красноуральск
2011

ББК 2.1
П 57

Поплаухин А. С.

П 57   И некогда было оглянуться назад.— Екатеринбург:
Издательство «СВ-96», 2011.— 256 с.

ISBN 978-5-89516-213-2

Почетный гражданин г. Красноуральска Поплаухин Александр Семенович (1926–2008 гг.) в течение 17 лет возглавлял Красноуральский медеплавильный комбинат и свыше 9 лет был директором Уральского научно-исследовательского и проектного института медной промышленности. Заслуги этого незаурядного человека и талантливого организатора производства отмечены многими орденами и медалями.

Автор знакомит читателей с историей своего рода, вспоминает детские и школьные годы, учебу в техникуме, институте, суровые годы войны. Большая часть книги посвящена становлению города Красноуральска и работе на медеплавильном комбинате.

ББК 2.1

ISBN 978-5-89516-213-2

© Поплаухин А. С., 2011
© «СВ-96», оформление, 2011

Деревня Маланичи, что в десяти километрах от станции Чернушка, Казанской железной дороги, раскинулась тремя концами вдоль небольшой речки Сулмашки, разрезающей невысокое плато сельских угодий: пашен, сенокосов, лесных колок. В одном из концов, состоявшем всего из четырех-пяти усадеб, получили отвод и мои родители. Рядом, с одной стороны, дом бездетного соседа Мартазова, а с другой, упираясь в засеянное поле, еще не перекрытый сруб из свежих, в капельках вытопленной на солнышке живицы, бревен.

Усадьба деда Никиты находилась в верхнем конце деревни, среди домов первых поселенцев, освоивших здешние благодатные места во второй половине девятнадцатого столетия. По воспоминаниям деда, переселились они из Нижегородской губернии. Ему в ту пору было восемнадцать лет. Поэтому можно предположить, что произошло это в самом начале шестидесятых годов. Земли эти заселялись выходцами из различных регионов России, и не только русскими. Так, рядом, в пяти верстах, обосновалось татарское селение Сулмаш.

Русские и татары межевались угожьями, жили мирно, уважая быт и обычаи друг друга. Не обходилось, конечно, и без доброжелательных насмешек, ядреного деревенского юмора. В русских деревнях едва ли можно было найти

семью, которая не занималась пчеловодством, чего не скажешь о татарских. Не был исключением и мой дед Никита Иванович. Рассказывал он байку, что будто бы знакомый татарин спрашивает:

— Никитка, ты куда мед деваешь, если матка пропадает?

— Выбрасываю.

— Не выбрасывай, Ахметке отдавай, я скушаю!

Дедушка, Никита Иванович, запомнился мне крепким, с большой седой бородой и чашкой свежего меда в руке. Медом он меня баловал. Бабушку, жену деда Никиты, я не знал. Она умерла задолго до моего рождения, ровно через неделю после свадьбы моих родителей. В начале двадцатых в России еще свирепствовал тиф.

В семье деда, как и у всех, рождалось много детей, но выживала едва ли половина, а то и того меньше. Стали взрослыми и завели свои семьи пять сыновей и одна дочь.

Старший, Иван Никитич, рождения 1884 года, также имел пять сыновей и одну дочь. Четверо — участники ВОВ. Один из них погиб в последние дни войны.

Второй сын, Яков Никитич, 1892 года рождения, породил двоих сыновей. Старший, Александр, погиб так же, в самом конце войны. А младший, Аркадий, умер сравнительно молодым человеком. Сам Яков Никитич во время службы в царской армии получил ветеринарное образование. Великую Отечественную войну закончил в звании майора. Он был, по деревенским меркам того времени, человеком образованным и, может быть, поэтому не завел более двух детей.

Третьим был мой отец. У него также случилось пять сыновей и одна дочь. Но об этом речь впереди.

Четвертый сын, Александр Никитич, рождения 1903 года, вырастил шестерых дочерей. Участник Великой Отечественной войны, единственный сын деда Никиты, посвятивший всю свою жизнь родному гнезду — деревне Маланичи. А дочери разьехались, повыходили замуж и осели в городах.

Единственная дочь, Елизавета Никитична, рождения 1901 года, вырастила двоих сыновей и двух дочерей, но жизнь ее оборвалась рано. Она скончалась в возрасте

сорока лет от сердечного приступа. Филипп Никитич, младший из сыновей, проживал в городе Чусовой, Пермской области. И это все, что мне известно о нем.

Сам Никита Иванович в доброй памяти и трезвом уме прожил более девяноста лет.

В полутора-двух верстах от нашей деревни раскинулось большое село Ананьино, из которого происходит материнская линия нашей семьи. Дед, Александр Семенович Вахрушев, рождения 1868 года, до революции служил смотрителем дорог в Осинском уезде, а в двадцатые годы занимался собственным хозяйством.

На сохранившейся дарственной фотографии имеется надпись: «На добрую память крестнику, честно трудящемуся на благо общества — Александру Семеновичу Вахрушеву. 15 авг. 1915 г.»

Бабушка, Федора Васильевна, урожденная Калашникова, рождения 1868 г., была неграмотной.

Дед, Александр Семенович, как зажиточный крестьянин был раскулачен и, переехав в г. Челябинск, до последних дней (умер в 1934 году) работал учителем в школе по ликвидации неграмотности — «ликбезе».

В семье Александра Семеновича было пятеро взрослых детей. Старшая дочь, Александра, также была неграмотной, воспитав троих детей, умерла в возрасте 92-х лет. В отличие от Петра, старшего сына, умершего в 58 лет, младшие — Федор и Василий — дожили до преклонного возраста.

Моя мама, Елизавета Александровна, рождения 1901 года, закончила сельскую школу, что было в то время еще довольно редким явлением. Другое дело мальчики. Все три брата учились в Осинском реальном училище, дававшем после окончания свидетельство о среднем образовании и право на поступление в Университет. Окончить полный курс училища удалось в 1918 году только старшему — Петру, а младшие успели проучиться лишь по нескольку лет, что, однако, не помешало среднему, Федору, поступить и закончить Свердловский электромеханический техникум железнодорожного транспорта.

*Вахрушевы: дед — Александр Семенович
и бабушка — Федора Васильевна (в девичестве Калашникова)*

Петр Александрович, после окончания реального училища, воевал в Красной армии против Колчака, демобилизовался по ранению. Впоследствии работал в органах Советской власти, бухгалтером, старателем, горнорабочим на золотом прииске. Он не был женат, а в последние годы проживал с матерью и умер через две недели после ее похорон.

Бабушка, Федора Васильевна, скончалась на девяносто первом году жизни. Федор Александрович более двадцати лет работал главным энергетиком на Свердловском молокозаводе № 1. В годы Великой Отечественной войны служил в армии, демобилизовался в звании ст. лейтенанта. Оставил после себя троих детей — две дочери и сын.

Младший, Василий Александрович, специального образования не получил. Рано женился, обзавелся детьми — две дочери и три сына. Работал на различных хозяйственных должностях.

Бабушка, Федора Васильевна, тетя Саша, дяди Петр и Василий, мои родители, — папа и мама, младший брат Николай и старший брат папы, Иван Никитич, похоронены в г. Красноуральске.

Наши родители, Семен Никитич и Елизавета Александровна, прожили вместе более шестидесяти счастливых и не очень, наполненных трудом и заботами лет. Невозможно описать словами их поистине подвижническое служение семье и детям — вырастить, обеспечить образование и до конца дней своих быть для всех нас духовной опорой.

Они были подлинными героями в самом высоком смысле этого слова. Отказывая себе, отдавали все, что удавалось получить за свой изнурительный труд, детям. Будучи сами малограмотными, они сумели создать в семье своеобразный культ школы. Учеба для каждого ребенка была делом естественным, первоочередным. И когда в знакомых и родственных семьях с большим достатком, после семилетки, а то и ранее, определяли детей на работу или в ремесленное училище, у нас даже в помыслах не было отступать от десятилетки и вуза.

И только родителям мы обязаны тем, что в семье пять инженеров и два кандидата наук, и лишь одному, младшему, не удалось закончить вуз. Никого из нас не принуждали в выборе профессии. Каждый определялся самостоятельно в меру своих увлечений и привязанностей. Поэтому так необычен разброс дипломов: два инженера-электрика разной специализации, инженер-металлург, инженер-геофизик, горный инженер-обогадитель.

Отец, Семен Никитич, рождения 1894 года, был призван на действительную воинскую службу в 1915 году и в составе русского экспедиционного корпуса направлен во Францию. 14 июля 1916 года, в день национального праздника Франции, в парадном строю русских батальонов печатал шаг на брусчатке Елисейских Полей в Париже. А затем на фронте, во время ночного поиска, ранен осколком разорвавшейся немецкой мины. Ранение было тяжелое. После лазарета, еще не совсем поправившийся, он был направлен в строевую часть, стоявшую на отдыхе в лагере Ля Куртин. После подавления восстания русских солдат в этом лагере, в числе других, отправлен на каторжные работы в Северную Африку. О судьбе двадцатитысячного русского экспедиционного корпуса, почти полностью погибшего на полях сражений и во французских тюрьмах, имеются лишь редкие и далеко не полные свидетельства современников тех событий.

Солдаты и офицеры экспедиционного корпуса представляли цвет русской нации, ее золотой генофонд. По воспоминаниям отца, личный состав корпуса формировался из особо крепких, рослых и только русских парней.

Великая Франция отблагодарила Россию расстрелом ее сыновей и интервенцией в годы Гражданской войны.

Отдавая дань светлой памяти моего отца и тысяч русских воинов, павших безвестно на чужой земле, за чуждые им интересы, привожу здесь редкую публикацию журнала «Огонек» о некоторых подробностях тех событий.

«Решение о посылке во Францию значительных воинских сил было принято императором России

Отец, Семен Никитич Поплаухин, перед призывом в армию,
1915 год

в присутствии председателя военной комиссии сената Франции Поля Думера, французского посла Мориса Палеолога и министра иностранных дел России Сазонова 30 ноября 1915 года. Высочайшее повеление привело в движение военно-государственные структуры, в сжатые сроки была сформирована первая особая бригада численностью в 10 тысяч человек под командованием генерала Лохвицкого. 15 февраля 1916 года русские части по железной дороге доставили в китайский порт Дайрен. Здесь их погрузили на суда, а 7 апреля они бросили якорь в марсельском порту. Население с воодушевлением встречало посланцев России. Огромные толпы людей радостно приветствовали русских солдат. По просьбе мэра города на следующий день русские полки торжественно прошли под триумфальной аркой, сопровождаемые восторженными возгласами тысяч горожан.

Вскоре первая бригада русских войск была размещена в лагере Майльи под Шалоном. Началась усиленная подготовка полков к боевым действиям. 17 июня 1916 года русские полки заняли передовые рубежи. Первая русская бригада не раз участвовала в тяжелых боях на своем участке Западного фронта. Особо памятным было сражение 5 сентября, когда за 1 день пришлось отбить пять ожесточенных атак немцев, и к вечеру потери русских составили треть бригады. 15 сентября первая бригада была отведена на отдых, а ее боевые позиции заняла третья русская бригада, переброшенная во Францию Северным морским путем.

В дальнейшем обе бригады были объединены в особую дивизию, начальником которой также был назначен генерал Лохвицкий.

После падения самодержавия под воздействием революционных вестей из России в русской дивизии стали стихийно возникать солдатские комитеты, которые требовали возвращения в Россию. 3 апреля по всему фронту было развернуто большое наступление французов, и русская

дивизия была вынуждена принять участие в нем. Через несколько дней стало ясно, что наступление провалилось. Громадные людские потери вызвали возмущение в солдатской массе. Во французских частях начались волнения.

В этих условиях революционные настроения русских солдат испугали французское командование, и в середине апреля русская дивизия численностью около 19 тысяч человек была снята с фронта и размещена в глубоком тылу, в лагере Ля Куртин в департаменте Ля Крез.

Вначале было решено внести раскол в солдатскую среду. Призывы «не стать пораженцами, не предать Родины» возымели свое действие — в конце июня шесть тысяч солдат третьей бригады без оружия вышли из лагеря, демонстрируя верность Временному правительству. Вместе с ними из лагеря ушли все офицеры дивизии. В восьми километрах, у железнодорожной станции Клерво, прямо в поле были поставлены палатки, образовавшие новый лагерь третьей бригады.

17 июля 1917 года военный представитель Временного правительства издал приказ-ультиматум. Он потребовал от мятежных солдат немедленно разоружиться и выйти из старого лагеря. Срок выполнения — двое суток, после чего оставшиеся в лагере будут считаться бунтовщиками и изменниками Родины, их подвергнут наказаниям вплоть до расстрела. Тем не менее командование больше месяца не предпринимало решительных мер, оно накапливало силы для удара по восставшим. Только к началу сентября вокруг лагеря начали окапываться русские части, лояльные Временному правительству. На ближайших холмах были размещены артиллерийские орудия, для которых расположенный в котловине лагерь представлял идеальную цель. Из состава третьей бригады создали штурмовые отряды с устрашающим названием «батальоны смерти». За русскими частями плотным кольцом стояли французские войска.

1 сентября представитель Временного правительства комиссар Рапп передал членам Куртинского Совета

приказ-ультиматум с требованием капитуляции солдат и выхода их из лагеря без оружия.

Из лагеря ушло около ста человек. 2 сентября начался сильный ружейно-пулеметный обстрел лагеря. Осажденные не отвечали, считая обстрел провокационным. Они не поверили, что против них используют артиллерию. 3-го утром, когда тысячи обреченных солдат вышли из укрытий и стали петь «Марсельезу», ударили орудия, сметая десятки людей. 4-го — сильный артиллерийский обстрел и за ним штурм. Осажденные упорно оборонялись. К вечеру из лагеря вышло 8,5 тысяч солдат, внутри оставалось 200 — 400 человек и много раненых. 6 и 7-го сентября — безжалостное уничтожение оставшихся бунтовщиков.

Официально было сообщено, что «у мятежников 4 убитых и 44 раненых», в то же время Д. У. Лисавенко /член Куртинского Совета/ говорил, что убито около трех тысяч.

Драматична судьба и солдат третьей бригады, подавлявших мятеж. Из них сформировали иностранный легион, который в апреле 1918 года был брошен в наступление и почти полностью весь уничтожен. Из 8,5 тысяч русских солдат, сдавшихся после мятежа властям, около 400 активистов были заточены в тюрьму. Более тысячи человек после избиений «дали согласие» идти в трудовые лагеря. Почти 7 тысяч солдат, мужественно перенесших избиения, продолжали требовать возвращения в Россию. Их в декабре 1917 года на кораблях переправили в Северную Африку для изнурительной работы в шахтах и рудниках. Многие из них, не выдержав жестоких условий жизни, погибли»

Статья заключает, что из 20 тысяч солдат, отправленных воевать во Францию, в Россию, вероятно, вернулось не больше нескольких сотен.

Возвращение на родину было непростым. Правительство молодой Советской республики, несмотря на невероятные трудности, порожденные пятилетним военным лихолетьем, добилось возвращения на родину оставшихся в живых солдат трагического экспедиционного корпуса. Произошло это в 1921 году.

Муниципальная библиотека
«Библиотечная система»
г. Красноуральск

ЧИТАЛЬНИЦА

— 1271967

В Россию возвращались пароходом. Новороссийск, болезнь, тифозный барак, состояние между жизнью и смертью и наконец трудная и голодная дорога к дому.

Молодой организм на родительских хлебах быстро восстановил силы. А тут и невеста приглянулась, наша будущая мама, Елизавета Александровна Вахрушева. Свадьба состоялась 11 июня 1922 года. Жениху шел двадцать восьмой, а невесте — двадцать первый год.

Первые дети, девочка и мальчик, умерли в возрасте одного года. А когда появился на свет ваш покорный слуга, крестной матерью при крещении пригласили быть матушку Поладью. Считалось, что это придаст ребенку сил для выживания. И не ошиблись.

А между тем жизнь бурлила событиями, придававшими новую, непривычную окраску традиционному деревенскому укладу.

Строительство своего дома, работа в поле, на огороде, сенокосе, обустройство домашнего хозяйства происходило под властным напором первой эйфории коллективизации и становления новых порядков на селе. Вошли в обиход зимние мобилизации на лесозаготовки. Стране для строительства требовалось огромное количество леса, для заготовки и вывозки которого из дальних лесных районов, расположенных главным образом на севере, нужны были не только люди, но и лошади, другого транспорта еще не существовало.

Появились и различные колхозные обязанности. Все это захватывало и пугало своей неопределенностью.

О жизни тех лет в моей памяти зафиксировались лишь отдельные фрагменты, конечно, не самые важные, а скорее смешные и добрые. Мы едем с поля, и я выговариваю запомнившиеся названия: это береза, а та вон сосна или ель. Родители рады! Или смотрю, как напивается комар на отцовской руке, и он терпит, не сгоняя его.

Мне шел, наверное, третий год.

А на четвертом я уже поджигал соседский амбар. К счастью, пожар быстро заметили и потушили, а поджигателя

*Гырдымовы и Поплаухины в гостях у тещы.
Сидят: дед Александр Семенович, сват Никифор
с внуком Мишей, его жена, дочь Елизавета Александровна
с сыном Александром и бабушка Федора Васильевна.
Стоят: Поплаухин Семен Никитич (в центре)
и Гырдымов Георгий Никифорович*

выпороли. Мама моя по этой линии была мастерица и, как мне кажется, не зря.

Довольно рано открылись и мои «музыкальные» способности. У меня был целый набор инструментов: балалайка, гармоника, мандолина и барабан, подаренный дядей Петей. Но, увы, не судьба.

Первая пятилетка. Страна покрылась строительными лесами. Город, как гигантский пылесос, вытягивал из деревни рабочую силу. Стихийное движение подхлестывал т.н. «организованный набор», гарантировавший переселенцам некоторые льготы: подъемные и временное жилье. Тысячи «спецпереселенцев» (семей раскулаченных) заселяли некогда безлюдные просторы Урала и Сибири. Вся эта разношерстная, гонимая голодом и нуждой масса обустроивала

на новых местах барачные пионерские поселки рядом со строительными площадками будущих индустриальных гигантов. Первые барачные поселки и просто «нахаловки» стали предтечей многих десятков и сотен современных городов.

Безликая деревенская масса на новом месте училась грамоте, приобретала профессии, осваивала непривычный городской быт. В обиход вошли пятидневная рабочая неделя, семичасовой рабочий день, ликбез, столовая, хлебные карточки и многое другое. Жизнь, по сравнению с деревней, особенно для молодежи, была более привлекательной и обеспеченной. Газета «Гигант», издававшаяся на Богомолстрое на рубеже тридцатых годов, напечатала письмо молодой работницы, в котором были слова: «А муж на свою зарплату купил хромовые сапоги, а мне даже туфли на высоком каблук!».

Круговорот событий захватил и нашу семью. В конце 1931 года отец, заручившись необходимыми справками и получив «Удостоверение личности» (бессрочное), устроился строительным рабочим на Уралмашстрое, а через некоторое время переехал на Богомолстрой, получивший вскоре статус города и название Красноуральск.

«Удостоверение личности» — краснокожая книжица — являлось прообразом того, что позднее стали называть паспортом. Ниже привожу копии справок — важнейших документов того времени. Орфография сохранена.

СПРАВКА

Дана сия гр-ну д. Маланичи Ананинского С/Совета Чернушинского р-на Поплаухину Семену Ник., в том, что он, рождения 1894 года, грамотный, б/партийный, социальное положение мал.середняк. Лишен права голоса не был. Под судом и следствием не находился, против мероприятий Сов. власти не шел и все возложенные на него задачи выполнял аккуратно, в чем достоин ув. об-ва.

Что и удостоверяет Ананинский С/Совет. Председатель С/Совета /подпись/ Секретарь /подпись/ 15. 10. 31

И вторая:

СПРАВКА

Выдана настоящая гр-ке д. Маланичи Ананьинского С/Совета ЧЕРНУШИНСКОГО района Уральской области Поплаухиной Елизавете Александровне рождения 1901 года. Крестьянка, грамотная, среднячка, избирательных прав не лишена.

1. Сын Александр Семенович в возрасте 5 лет

2. Сын Аркадий Семенович в возрасте 7 дней.

Пред. С/С /подпись/

Секретарь /подпись/

7.01.32 г.

1 января 1932 года родился Аркадий, а в начале марта семья в полном составе, включая кота по имени Серко, приехала в г. Красноуральск. Город как таковой еще не сложился и представлял собой несколько отдельных поселков, растянувшихся на семь километров с юга на север: Андреевский, Кушайка, Компанейский, Двенадцатый километр, Новый завод, Ново-Левинский и две «Нахаловки» — южная и северная. Названия поселков говорили об их принадлежности к рудникам: Андреевскому, Компанейскому и Ново-Левинскому. Новый завод говорил сам за себя. Особым явлением были «Нахаловки». Это поселение из наскоро сколоченных избышек, как правило, из всевозможных строительных отходов, расположенных почти вплотную друг к другу, без улиц и почти без проездов. Для их хозяев не существовало никаких отводов и норм: каждый лепил себе угол самостийно, нахалом. Отсюда и название.

С севера и с запада примыкали к городу болота, а лес высылся вокруг и между поселками. Леса и болота изобиловали ягодами: клюквой, моршшкой, брусникой, черникой, голубикой, малиной, смородиной и др. Но настоящий рай был для охотников. Весной, во время глухариного тока, некоторые успевали сбегать на соседнее болото и до работы принести пару-другую косачей.

Ново-Левинский и Андреевский рудники, как крайние точки города, соединяла довольно приличная дорога с двумя деревянными мостами через рукава старого пруда. Основная часть дороги, между действующими рудниками и по поселку Нового завода, была вымощена гранитной брусчаткой. Город активно застраивался деревянными и частично кирпичными двухэтажными домами. В каждом таком доме было от четырех до восьми квартир по две или три комнаты. Встречались и т.н. «коммуны», рубленные в два этажа, с комнатами, выходящими в общий коридор, с общей кухней и по одному теплomu туалету на этаж. В домах поквартирной планировки на каждую пару квартир, верхнюю и нижнюю под ней, оборудовалась одна выгребная яма. Канализации еще не было, ее заменял конный ассенизационный обоз. Зато Красноуральск уже в 1929 году одним из двух городов области (вторым был Свердловск) имел водопровод с полным комплексом водоподготовки питьевой воды. Водопроводная сеть охватывала большую часть города. Разбор воды осуществлялся через обслуживаемые колонки.

Медеплавильный завод еще не выплавил первую черновую медь, а в городе уже работал Дом культуры со зрительным залом на 1200 мест и кинотеатром. Имелось три клуба с киноустановками и три стадиона с базами бесплатного проката спортивного инвентаря. Центральный стадион в парке Дома культуры имел футбольное поле, гаревую дорожку и секторы для различных видов легкой атлетики. Украшением стадиона были трибуны на пять тысяч зрителей.

Дом культуры, будучи почти единственным в то время приличным сооружением этого типа в области, принимал у себя многие известные театральные коллективы. Зал, не в пример нынешним временам, всегда был полон. Малограмотный в массе своей зритель приобщался к азам культуры. А научиться предстояло многому. Рассказывали случаи. Председатель горисполкома, выдвинутый на эту должность из рабочих, обратив внимание на красочную афишу, висевшую на стене в кабинете директора Дома культуры, спросил:

А что, Евгений Онегин сам приезжает?

Залотнился цирк под полотняным шатром; аттракцион — езда на мотоцикле по вертикальной стенке; передвижной зоопарк или, как его называли, зверинец. Вместе с родителями смотрел первое в моей жизни кино «Веселые ребята».

Молодежь гоняла футбол, ходила на лыжах, осваивала коньки, стояла в очередь на парашютную вышку.

Весь этот комплекс производственных, бытовых и культурных мероприятий втягивал недавно деревенски ограниченного человека в сферу новых интересов и оттошений.

Отец к приезду семьи освоил профессию сапожника по ремонту обуви. Мастерская, отделение артели «Красный сапожник», размещалась в здании рудоподъемной машины рядом с копром бывшей Андреевской шахты, открытый ствол которой зиял своей мертвой пустотой. На площадке Андреевского и находившегося чуть севернее Спасо-Серного рудников было несколько открытых стволов шахт глубиной до 40–50 метров. В них во второй половине девятнадцатого и в начале двадцатого века добывали серный колчедан и отправляли его на химические заводы в Елабугу для получения серной кислоты и комовой серы. После 1918 года рудники не работали, а не перекрытые и частично обвалившиеся устья шахт представляли реальную опасность для жителей и скота. Позднее эти стволы будут засыпаны.

Андреевский поселок насчитывал десяток одно- и двухквартирных домиков и две «коммуны». Одна из них сгорела незадолго до нашего приезда. В «коммуне» было двадцать разных по площади комнат. Нас поселили в сравнительно большую комнату, в которой каждый из углов занимали семьи Гырдымовых, Трубниковых и еще кого-то. На ночь собиралось до восемнадцати взрослых и куча малышни. Вскоре для ребят выделили еще одну комнату поменьше, и в ней мы спали вповалку на полу, укрываясь разным тряпьем. Это были незабываемые ночи. Ребята, что постарше, рассказывали разные истории, как правило, вымышленные,

стараясь нагнать страху на меньших да и на сверстников тоже. Так и засыпали под бесконечные разговоры.

Родители понемногу начали осваивать новую жизнь, они были молоды и полны надежд на будущее. Этому, конечно, в немалой степени способствовало и то, что в комнате собрались одни родственники. На три семьи купили корову, а Трубниковы завели, как потом выяснилось, страшно пакостливую козу. От посягательств этого довольно крупного и красивого отродья черной масти не могла спасти соседские огороды ни одна изгородь. Однажды она провалилась в выгребную яму, да так, что поверх дерьма торчала лишь одна голова. Вытащили, отмыли и продали.

К лету обстановка с жильем несколько разрядилась — кто-то купил себе домик, а моим родителям выделили комнату на первом этаже. Появилась своя мебель и скручивающаяся в рулон с модной картинкой штора из узких деревянных реечек.

Соседи по дому, в основном многодетные, имели самые разные профессии: от портного и сапожника до коноха и ассенизатора.

Редким теперь утерянным ремеслом занимался сосед справа, Костя Злыгостев. Он мастерил туеса. Весной, в пору сокодвижения, когда береста легко отделяется от внутреннего слоя-камбия, он со своими старшими сыновьями снимал с ровного березового ствола заготовку, из которой потом делались туески от самых маленьких до ведерных и более. Донышки вытачивались из просушенного кедра на ножном токарном станочке. В комнате у них всегда стоял ядреный дух бересты и кедровой смолы.

Большую угловую комнату занимал сапожник Дмитрий Сухих, известный своим мастерством. Но запомнились его крашенные зубы, их цвет менялся в зависимости от колера, выпитого накануне спиртового лака. И ничего, жил! Ребят в доме было множество. Те, что постарше, верховодили, затевали игры и потасовки. Доходило, конечно, до разбитых носов, но не более. Родителям жаловаться было не принято, во всяком случае, в нашей семье, ибо в таких случаях мама

обязательно добавляла. Играли в лапту, в чижика, в шаровики, в городки, в ножички и др. Хлыздить было опасно — катали на шаровках. Летом с утра до позднего вечера на улице, если, конечно, не надо было водиться с маленькими. Последние обязанности были практически в каждой семье.

Взрослые парни и девушки устраивали вечера самодеятельности в клубе, в приспособленном для этой цели небольшом помещении, где, как и полагается, была сцена, скамейки вместо стульев и никакого начальства. На вечерах декламировали, пели, танцевали, ставили небольшие спектакли. Большим успехом пользовались «Агитки Бедного Демьяна». На такие вечера, как на праздник, собирались все жители поселка.

Но однажды «коммуна» потребовалась для других целей, и всех жильцов, не спрашивая согласия, в один день переселили в два барака под названием «сотый» и «сто первый». Это были даже не бараки в привычном смысле, а большие казармы без единой перегородки, по одной двери с каждого торца. В них, когда работали рудники, размещались сезонники. Каждая семья со своим немудрящим скарбом отделялась от соседней занавесками из одеял, простыней, а то и просто ничем. Спали на деревянных топчанах, свои койки имели немногие. Казарма круглые сутки гудела, как пчелиный улей: днем от множества голосов, а ночью от храпа. Стоял непередаваемый аромат детских испражнений, сырой обуви и никогда не просыхавших портянок.

Наши смогли выдержать такую жизнь лишь несколько дней и в складчину с дядей Петром Александровичем купили небольшой домик — типичное для того времени сооружение, про какие принято говорить, что «нет ничего более постоянного, чем сооружение временное». Стены домика были сколочены из досок с засыпкой пространства между ними опилом, служившим идеальным местелищем невероятного количества клопов. Прежний хозяин, работавший в кузнице напротив, смастерил подвесные полаты, которые на ночь подвешивались при помощи

металлических тяг к кольцам на потолке и не доставали до пола на полметра. На них и спали. Но и такая человеческая хитрость не спасала от набегов кровожадных вампиров: они пикировали на спящих с потолка.

Помог случай. Для утепления домика на завалины у основания стен завезли содержимое муравейников, коих в лесу было великое множество. И свершилось чудо: через несколько дней муравьи начисто и навсегда вывели клопов и ушли сами.

Русская печь, занимавшая почти четверть жилой площади, не прогревала дом, поэтому зимой постоянно топилась буржуйка с пузатой вытяжной трубой. Кадр из памяти: у буржуйки бабушка Федора нянчит в подоле еще не умевшего ходить братика Федю.

Домик наш был крайним в околотке из пяти домов. Рядом усадьба Андрея Дорофеича Путинцева, старателя, основным полигоном которого несколько сезонов был пойменный участок между нашим огородом и руслом речки Лягушевка, питавшей один из рукавов пруда. Намытое золото сдавалось в торгсин, находившийся неподалеку на другом берегу речки, в обмен на боны. За боны можно было купить продукты и промышленные товары, отсутствовавшие в свободной продаже. По этой причине боны нередко покупались с рук за рубли и реализовывались здесь же, в торгсине. Золота Андрей Дорофеич намывал немного, но для приличного питания и для нарядов взрослой, учившейся в техникуме дочери хватало.

Следующим был дом Александра Козлова. Они оба с женой, имея троих детей, нигде не работали. Единственным доходом были дары леса: грибы, ягоды, орехи. Запасаясь летом, они торговали ими круглый год. Но занятие это, как оказалось, нелегкое. Заниматься ягодным промыслом приходилось и в дождь, и в слякоть, и в снежную пургу. Оба простудились и, один за другим, умерли. Детей приютили родственники.

Далее, через два дома Трубниковых и Ложкиных, была усадьба младшего дяди, Василия Александровича. Старик

Василий Иванович Трубников обладал редкой способностью: он никогда не произносил слов, содержащих букву «р», виртуозно заменяя их другими, равными по смыслу, синонимами.

Сразу за оградой дяди Васи проходил старый Верхне-Туринский тракт, некогда соединявший Богомоловский прииск с городом В.Тура, а за ним густой хвойный перелесок, протянувшийся почти на километр до Андреевского поселка. В центре этого перелеска находились несколько домов и складские помещения, вместе составлявшие небольшой поселок под названием Хлебофуражный. Лес, окружавший его, был настолько густой и темный, что мы, мальчишки, боялись в одиночку ходить через него в школу.

Фасадной стороной все дома были обращены к тракту, от которого влево на восток уходила дорога на молочную ферму и городское кладбище. Молочная ферма — так называлось довольно большое подсобное хозяйство, — кроме молочного стада, имела конный двор и огород на площади десять — двенадцать гектаров. В парниках и открытом грунте выращивались огурцы, картофель и различные корнеплоды. Здесь же была небольшая столовая и магазин. После отмены карточек на хлеб еще некоторое время в продаже его было недостаточно и для того, чтобы наверняка купить буханку-другую, занимались очереди задолго до открытия магазина, а то и с вечера. Нашему брату, ребятам, эти ночные очереди даже нравились свободой, играми до упаду и дремотой всей компанией где-нибудь в темном уголке столовой или конюховки. А утром приходили взрослые и становились в занятую очередь рядом. В руки, как правило, давали по одной буханке. Хлеб был трех сортов: ржаной (черный), пшеничный (белый) и пеклеванный (ржаной-отбеленный).

Примерно в полутора километрах от молочной фермы, там, где через несколько лет на северном косогоре выросла улица Майская, в летнее время разбивался палаточный лагерь для военных сборов освобожденных от призыва на

срочную службу. Питались призванные на сбор в столовой на молочной ферме. Поход в столовую три раза в день, по-видимому, совмещался со строевой подготовкой. Ходили строем и только с песней.

Идут в столовую, поют:

— Комсомолец был герой,

— На разведку боевой, да эх!

Идут обратно:

— Комсомолец был герой...

И так каждый день утром, днем и вечером.

К концу сборов слова этой песни начинали преследовать нас даже во сне: «Комсомолец был герой!»

Городское кладбище раскинулось сразу за огородом молочной фермы. А за нашими домами, по другую сторону Верхне-Туринского тракта, было татарское кладбище. Мы, дети, не раз со стороны наблюдали за мусульманским обычаем погребения. Это кладбище существовало недолго. Хоронить на нем запретили, а могильные холмики запахали. Место это вначале ушло под пашню, а затем заросло осинником.

Все похоронные процессии проходили мимо нашего околотка. Часто хоронили горняков, погибших в результате несчастных случаев в шахтах. В одиночку и группами. Одной из причин смертельного травматизма в шахтах было применение динамита при проведении взрывных работ. Дело в том, что динамит, являясь эффективным взрывчатым веществом бризантного действия, имеет свойство детонировать при малейшем ударе или даже падении. И при бурении инструмент попадал в шпур с остатком динамита, неминуемо происходил взрыв со всеми неприятными последствиями. По этой причине редко можно было встретить подземного рабочего без синих отметин на лице, своеобразной татуировки — следа рудных осколков.

С рудником, хотя и косвенно, связан несчастный случай в нашей мальчишеской среде. На свалке, недалеко от кладбища, оказались выброшенными, очевидно по недогляду или халатности, вместе с другим мусором при-

способления, применяемые при проведении взрывных работ — детонаторы, представляющие из себя медные патрончики длиной около пяти сантиметров с капсюлем внутри. Патрончик, если его немного пошлифовать, использовался в качестве наконечника на карандаш, но для этого следовало предварительно удалить из него капсюль. Эта операция обычно выполнялась при помощи деревянной палочки. А один из умельцев, Петька Кондратьев, решил выковырять капсюль сапожным шилом. Произошло неминуемое. Пальцев на руке как не бывало, а в больнице кисть ампутировали по суставу.

Другим бедствием горняков был силикоз. Бурение производилось «сухим» способом, при котором выделялась пыль с высоким содержанием окиси кремния. Редкий рабочий через пять–семь лет работы в забое не получал инвалидность по силикозу — необратимой болезни легких. Методов профилактики еще не существовало. Тем не менее высокие заработки манили в шахту новых людей.

Много позднее, уже после войны, динамит был полностью заменен новыми ВВ, более надежными и безопасными при применении, а внедрение новых технологий проведения горных работ с применением средств пылеподавления и активной вентиляции практически исключило свежие случаи заболевания силикозом. В современной рудной шахте воздух чище, чем на улицах больших городов.

По другую сторону от дома, в сотне шагов, плескался пруд, образованный при слиянии двух речек — Кушайки и Лягушевки. У водосброса земляной плотины был сооружен полукруглый помост для купания лошадей, упиравшийся своими концами в плотину по обе стороны деревянного устройства для пропуска воды. По нему ходил коневод, держа в поводу плывущую лошадь. Эта водная процедура доставляла явное удовольствие и коневоду, и лошади, и присутствующим при этом зевакам.

В пруду водилась рыба. В солнечную погоду щучки стояли у берегов, и мы, мальчишки, ловили их при помощи петель, изготовленных из балалаечных струн. Но

начавшийся вскоре сброс в пруд шахтных вод превратил некогда замечательный водоем в безжизненный шламовый отстойник.

С этого времени объектом наших рыбалок стала река Салда и старательские разрезы: Троицкие, Велико-Николаевские, Велико-Ельничные, Селивановские. Набеги на них делались ватажками десяти-двенадцатилетних пацанов с ночевками на два-три дня у костра.

Так за рыбалками, грибами и ягодами незаметно пролетало короткое уральское лето.

Начальная школа находилась в конце Андреевского поселка. У самого леса. Здание было деревянное и чем-то напоминало длинный пенал, разделенный поперек на 4 части. В первой была прихожая и раздевалка, вторая и третья — классы, четвертая, самая маленькая — учительская. Коридора не было, поэтому классные комнаты были проходными. Чтобы попасть во второй класс, нужно было пройти через первый, а в учительскую — через оба класса. Учились в две смены.

Детские привязанности были на стороне первых учительниц: пожилой — Веры Ильиничны, и молоденькой — Фаины Николаевны, и очень боялись строгой заведующей Марии Николаевны Шиховой, высокой, с угловатым лицом и мужиковатой походкой женщины. Помню, в классе третьем или четвертом мы с приятелем Венкой Дягилевым нарисовали на своих ботинках, на одном — звезду, а на другом — свастику и расхаживали по школе, пока не попались на глаза Марии Николаевне. Что тут было! Много позднее пришло прозрение. Наивная шалость могла дорого обойтись нашим родителям.

В новое здание средней школы № 2 нас перевели в 5 классе после зимних каникул. В этой школе я проучился до седьмого класса, а через год закончил десятилетку. Здесь же в разное время учились все мои братья и сестра.

Вторая половина тридцатых годов была временем перехода к всеобщему семилетнему образованию. Строились тысячи новых школ, ускоренно создавалась база для про-

изводства учебно-методических пособий и учебной литературы. В городах практически по двум типовым проектам возводились двухэтажные семилетки и четырехэтажные десятилетки. В Красноуральске почти одновременно вступили в строй пять новых школ. То же происходило в других городах области. В Свердловске, например, в каждом микрорайоне среди одно- и редко двухэтажного жилья выросли четырехэтажные красавицы школы. Большинство из них продолжает служить «доброму и вечному» и поныне.

В годы Великой Отечественной войны почти все школьные здания приспособлялись под госпитали, о чем свидетельствуют мемориальные доски на фасадах.

Специализированные кабинеты школ оснащались учебным оборудованием, приборами, многочисленными наглядными пособиями. Хорошо помню забитые различными приборами полки физического кабинета. Замечательный педагог, учитель физики Михаил Никифорович Мансуров, увлеченно вводил нас в занимательный мир физических явлений, постоянно подчеркивая их взаимосвязь с реальной жизнью. Оптику мы постигали на примере имевшегося в кабинете узкоплечного киноаппарата. С его помощью мы с Васей Караниным и Лешей Фокиным показывали учебные, и не только, фильмы. Под руководством своего учителя собирали, а затем монтировали на крыше и фасаде школьного здания праздничную иллюминацию. Думаю, что от таких увлечений закладывались основы будущих профессий — все мы стали электриками.

Математику и физкультуру вел Константин Иванович Трунин, татарин по национальности, с небольшой черной бородкой и крепким спортивным телосложением. Он утверждал, что название раздела математики — алгебры — происходит от арабского «алгебр му кабала». Так ли это на самом деле, не знаю, но в памяти застряло.

Старший лейтенант Трунин погиб на второй год войны.

Географию преподавал директор школы Георгий Иванович Матвеев, имевший необычное хобби: у него было восемь детей.

В шестом классе, кроме истории, изучали Конституцию СССР как самостоятельный предмет. Оценка по нему выносилась в свидетельство об окончании семилетки. Вел «Конституцию» Виталий Иванович Березин, увлечением которого было фанатичное пристрастие к рыбалке. Рыбачья молва разнесла слух о том, что Березин на реке Туре на удочку поймал камбалу. И не без оснований. Дело в том, что, когда однажды, сидя с удочками на берегу, Виталий Иванович задремал, шутники посадили на один из крючков мороженую камбалу. Слух разнесся быстро и, что самое удивительное, через много лет рассказывали об этом, как о реальном факте.

Предмет свой Виталий Иванович вел скучно, стараясь дословно, статью за статьей, внедрить в наши сопротивлявшиеся головы. Но все же многое закрепилось как свидетельство того, что всякое знание — золото.

Были у нас и уроки пения. Учил нас петь симпатичный, но совершенно безвольный молодой человек по фамилии Громов. Под аккомпанемент его скрипки мы два года разучивали одну и ту же песню «Сулико»:

*Я могилу милой искал,
Сердце мне томила тоска,
Без любимой сердцу нелегко,
Где же ты, моя Сулико?*

Говорили, что это была любимая песня Сталина.

Рисованию и черчению нас учила Вивея Васильевна Караваева, замечательная лишь тем, что была старшей дочерью в семье, где все дети имели оригинальные имена: Вивея, Орест, Анимоиса, Арриан.

Анимоиса Васильевна Караваева-Помосова была нашим классным руководителем и вела математику в моем десятом классе, а с Арькой я сидел за одной партой.

Играли в школе в чехарду, в жестку, в перья. Жесткой назывался грузик, прикрепленный к кусочку кожи с шерстью, который подбрасывался тыльной стороной ноги вверх. Выигрывал тот, кто, подбрасывая ее, не уронит дольше других.

Металлические перья для письма (вечных шариковых ручек еще не было) различных конфигураций имели в школьном обиходе свои названия: рондо, восемьдесят восемь, дядя Вася большой, дядя Вася маленький и др. Игра в перья заключалась в следующем: перо ставилось на стол спинкой вверх, а другим нужно было его перевернуть. Это удавалось далеко не каждый раз, но постоянные тренировки и определенная сноровка делали свое дело, и удачно перевернутое перо становилось собственностью выигравшего. Как во всякой игре, присутствовало везение, тем не менее, в карманах каждого игрока находилось в запасе по одной-две горсти перьев.

А в это время за окнами школы вступали в строй электростанции, заводы, железные дороги, строились новые города. Страна освобождалась от внешней зависимости в металле, машинах и многих видах другой продукции. Молодая, еще во многом хрупкая, промышленность осваивала разведку и добычу полезных ископаемых, выплавку металлов, производство машин, автомобилей, тракторов, самолетов, танков, подводных и надводных кораблей.

Окрепли колхозы. Производство зерна превысило довоенный уровень. Формировались крупные научные, технологические и проектно-конструкторские коллективы, создававшие технический потенциал народного хозяйства.

Страна, в которой в 1913 году две трети населения было неграмотным, менее чем за два десятилетия приблизилась к показателю всеобщей грамотности. Открыто свыше трех тысяч семисот техникумов и других средних специальных учебных заведений; восемьсот высших, почти половина из них — в союзных республиках. Численность лиц, ежегодно получавших среднее общее и специальное образование, выросла, по сравнению с концом двадцатых годов, в семь раз.

Страна бурлила как гигантский котел. Турксиб, Магнитогорск, Комсомольск-на-Амуре, открытие Северного морского пути, полет стратонавтов, первые дрейфующие станции в Северном ледовитом океане, первые полеты

самолетов с пассажирами на борту, первые герои Советского Союза — летчики, вызволившие из ледового плена команду затертого во льдах ледокола «Челюскин». Удивляли мир перелеты через Северный полюс в Америку самолетов Чкалова и Громова, рекорды дальности полетов Полины Осипенко и Валентины Гризодубовой.

Страна жила рекордами стахановцев: Семиволоса, сестер Виноградовых, Ангелиной и тысяч других передовиков производства. В Красноуральске зазвучали имена бурщиков Красногвардейского рудника Х. Гумарова и П. Киселева. По инициативе А. Баталова на уральских медных рудниках началось движение за внедрение скоростных проходок капитальных горных выработок. Здесь же родился метод И. Янкина по многоперфораторному обурированию забоев, позволивший резко повысить производительность труда при добыче медной руды. С газетных полос того времени не сходили имена флотаторов А. Баженова и В. Вотинцева, плавильщиков Краснобаева и Дурницына, конверторщика А. Шарифутдинова, бригадиров-строителей Я. Шкодских, А. Пахомова и др. Нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, будучи в 1934 году на медеплавильном заводе, заметил почин жены начальника одного из цехов Суровцевой по благоустройству заводской площадки и вынес его на Все-союзное совещание.

Ударникам и стахановцам воздавались почести и награды. Передовым бригадам вручались переходящие Красные знамена, а отстающим — рогожные, что было для членов такой бригады более чем оскорбительно. Труд восхвалялся как «Дело чести, доблести и геройства».

Гибель героев-летчиков В. Чкалова и П. Осипенко, стратонавтов П. Федосеенко, А. Васенко, И. Усыскина, многомоторного самолета «Максим Горький», аварии и неудачи, неизбежные в новом деле, потрясали, но ни на минуту не приостанавливали стремительного течения жизни. И чем болезненнее потеря, тем решительнее звучали слова: «Безумству храбрых поем мы песню!»

Но уже гремели залпы предвестников Второй мировой войны. На безымянных сопках озера Хасан, в безводных степях Монголии у реки Халхин-Гол, в Испании, в неприступной паутине линии Маннергейма уже ковался кровавый опыт побед и поражений.

Вхождение в состав Советского Союза Эстонии, Латвии и Литвы, Западной Украины и Западной Белоруссии восторженно воспринималось населением новых республик. Это потом, через десятилетия, потомки сиятельных панов и родовитых баронов будут рассказывать все наоборот. Им действительно было что жалеть.

В кинотеатрах на смену фильмам «Броненосец Потемкин», «Чапаев», «Веселые ребята» пришли «Александр Невский», «Истребители», «Если завтра война», «Вратарь» и др., ставшие классикой советского патриотического кино. Кто не помнит слова песен из них, ставшие поистине народными:

«В далекий край товарищ улетает...»

«Если завтра война, если враг нападет...»

«Если ранило друга, сумеет подруга ответить за него...»

«Эй, вратарь, готовься к бою. Часовым ты поставлен у ворот...»

«Три танкиста, три веселых друга...»

«Катюша...»

Тысячные пополнения по путевкам комсомола, через курсы «Осоавиахима» и средние специальные школы шли в авиацию, в танковые и военно-морские училища и школы.

В школах и на предприятиях молодежь осваивала нормативы спортивного комплекса ГТО (готов к труду и обороне), ПВХО (противохимическая оборона), ГСО (готов к санитарной обороне), изучала оружие и тренировалась в стрельбе, сдавая зачеты на значок «Ворошиловский стрелок». У входа на стадион работала парашютная вышка. Редкий парень или девушка не носили на груди оборонный значок.

В воздухе еще не осознанно, но все явственнее пахло порохом.

Семилетку я закончил в 1940 году со свидетельством в золотой оправе, дававшим право для поступления в техникум или другое среднее специальное заведение без вступительных экзаменов. К этому времени семья существенно пополнилась. В 1934 году родился Федор, а в 1936 — Надежда. Аркадий пошел в первый класс. Изменились и бытовые условия. Мы переехали в новый дом, незадолго до этого построенный на высоком берегу заболоченной поймы все той же речки Лягушевка, примерно в километре от прежнего, в котором остались дядя Петр Александрович с бабушкой Федорой.

Несколько домов, выстроившихся в ряд на косогоре вдоль берега, составили улицу Майскую, а другой ряд, соседствующий огородами и обращенный фасадами на север, получил название улица Большевистская. Напротив нашего стоял маленький домик Горяевых. Его обитатели, мать с сыном, учившимся в старших классах, имели библиотеку и выписывали журнал «Роман-газета». Началось с того, что я перечитал все журналы и перешел на классику: осилил полное собрание сочинений Мамина-Сибиряка («Приваловские миллионы», «Три конца», «Золото» и др.), кое-что из Горького, Пришвина, Чехова и др. Благодаря Горяевым я читал много и запоем.

Отец, как и прежде, работал в артели «Красный сапожник», но теперь его мастерская находилась в городе. Кстати, эпитет «красный» имел повсеместное распространение в довоенные годы. Красными назывались города, предприятия, колхозы: «Красный пахарь», «Красный дол», Красновишерск, Красногвардейск.

Мама хлопотала по дому и подрабатывала на своей чулковязной машине. Вязала чулки, носки, детские шапочки, называвшиеся почему-то «панамками». Товар пользовался спросом. Продавали на рынке также сшитую вновь или отремонтированную обувь. Пользовались популярностью валенки, подшитые прорезиной. Для ремонта по дешевке покупались поношенные или списанные на предприятиях валенки, а недостатка выброшенной из цехов

Нарпрос
Народный Комиссариат Просвещения

СВИДЕТЕЛЬСТВО

НАСТОЯЩЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫДАНО *Поплаухину*
Александр *Семеновичу*
РОДИВШЕМУСЯ В 1926 ГОДУ,
В ТОМ, ЧТО ОН ОБУЧАЛСЯ В ~~ПОЛНОЙ~~ СРЕДНЕЙ
ШКОЛЕ № 2 г. Красноуральска
Свердловской области ОКОНЧИЛ *7 классов*
ПОДНИМ *класс* ЭТОЙ ШКОЛЫ И ОБНАРУЖИЛ ПРИ *отличной*
ПОВЕЛЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗНАНИЯ:

ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ	<i>отлично</i>
ПО ЛИТЕРАТУРЕ	<i>отлично</i>
ПО АРИФМЕТИКЕ	<i>отлично</i>
ПО АЛГЕБРЕ	<i>отлично</i>
ПО ГЕОМЕТРИИ	<i>отлично</i>
ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ	<i>отлично</i>
ПО ИСТОРИИ	<i>отлично</i>
ПО ГЕОГРАФИИ	<i>отлично</i>
ПО ФИЗИКЕ	<i>отлично</i>
ПО ХИМИИ	<i>отлично</i>
ПО ОБЩЕСТВЕННОМУ (конституции) ЯЗЫКУ	<i>отлично</i>
ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ <i>(не изучал)</i>	<i>отлично</i>
ПО РИСОВАНИЮ	<i>отлично</i>
ПО ЧЕРЧЕНИЮ	<i>отлично</i>
ПО <i>рисованию</i>	<i>отлично</i>

№ 130

10 июня 1940 года

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ *С. С. Сидорова* УЧИТЕЛЯ: *Савогадова "К. А. Мухомов, Харламов, Мухомов, Ч. В. Мухомов"*

Свидетельство Поплаухина Александра Семеновича
об окончании семи классов средней школы № 2
г. Красноуральска. 10 июня 1940 года

и непригодной к дальнейшей эксплуатации конвейерной ленты не было.

В хозяйстве появилась корова Римка, коза Тонька, куры. В многодетных семьях того времени невозможно было представить жизнь без коровы. Забот она доставляла немало, но зато на столе свое молоко, сметана, масло, мясо. Ежегодно откармливались один-два поросенка, телочка или бычок от своей коровы. Вся эта живность требовала корма, а дом — ухода. С сенокосами всегда было туго. В городе с сорокатысячным населением до войны насчитывалось до семи тысяч коров. Сено заготавливали не только на отведенных городу т.н. Кушвинских покосах, но, главным образом, на лесных вырубках и просто по лесу. Мужики были настырные и необходимые пять-шесть возов на корову наскребали, как говорили, с матюгами пополам.

Для вывозки сена и дров нанимать сторонний транспорт было дороговато, поэтому отец купил старую выбракованную на заводском конном дворе кобылу по кличке Карюха. Для большой работы она не годилась, а хозяйственные нужды одной семьи обслуживала исправно.

В доме, пусть скромный, появился достаток. Все одеты, обуты, накормлены.

Родители были молоды, полны сил и энергии. Отмечали праздники, приглашали гостей и сами ходили в гости, благо родни в городе было немало. А как пели! Папа выводил своим баритоном любимые: «Отец мой был природный пахарь...», «Александровский централ», «Как родная меня мать провожала...»; репертуар мамы состоял преимущественно из старинных девичьих песен.

В свои четырнадцать я поступил в Свердловский электромеханический техникум железнодорожного транспорта на учебу по специальности «электроснабжение электрических железных дорог», а в пятнадцать закончил первый курс.

Будущее представлялось надежным, но в этой наивной уверенности и повседневной толкотне еще не улавливалась реальность надвигающейся грозы.

Все рухнуло в одночасье. Началась война.

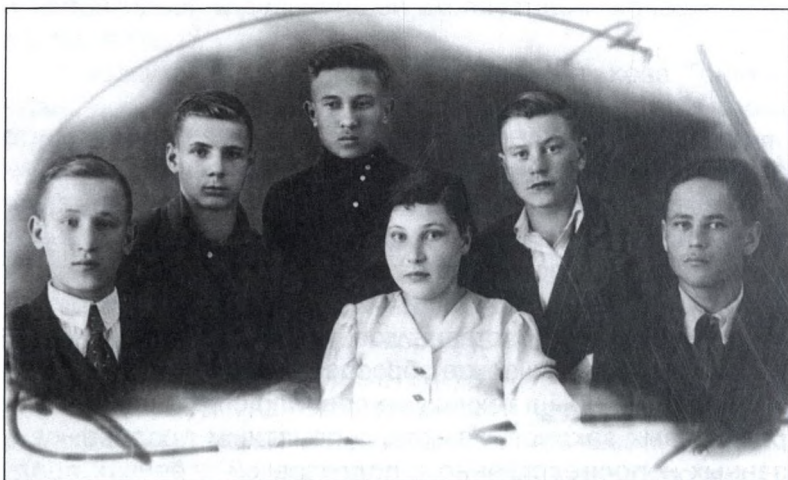
ВОЕННОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ

Возвращаясь к учебе в техникуме, должен отметить, что это был очень продуктивный период моей учебы.

На выбор учебного заведения оказали влияние, по крайней мере, два фактора: с одной стороны — школьное увлечение электро- и радиотехникой, и, с другой — этот техникум закончил мой дядя Федор Александрович, единственный из всех родственников, имевший к тому времени специальное техническое образование.

Начало учебы в техникуме совпало с выходом целого ряда новых законов, как стало понятным позднее, связанных непосредственно с подготовкой страны к предстоящим военным испытаниям. Среди них: переход на шестидневную рабочую неделю, на восьмичасовой рабочий день, устанавливалась уголовная ответственность за нарушение трудовой дисциплины и др. Создана четкая система подготовки трудовых резервов через ремесленные (РУ), железнодорожные (ЖУ) и фабрично-заводские (ФЗУ) училища. Учащиеся в них обеспечивались бесплатной одеждой, питанием и общежитием. Вспоминается, как «ремесленники» первого набора щеголяли в новеньких, подогнанных по росту костюмах и черных шинелях. Форма обязывала, и, еще не освоившись с новым своим положением, они козыряли военным, а те, как положено, отвечали взаимностью.

В вузах, старших классах средних и специальных учебных заведений введена плата за обучение и ограничено количество стипендиатов. Стипендия полагалась только тем, кто по результатам экзаменов имел отличные оценки по всем предметам. Последнее обстоятельство немедленно отразилось на количестве учащихся техникума. Из нашей группы, насчитывавшей первоначально сорок человек, отчислились пятнадцать. Из всей нашей группы в первый год обучения, кроме меня, стипендию получал только Вася Наумов, очень одаренный и талантливый парень.

В электромеханическом техникуме железнодорожного транспорта. Однокашники: Н. Берсенев, Н. Фисенко, В. Кобелев, А. Поплаухин, К. Спехова. Осень 1940 года

Учебная программа первого курса была очень насыщена и соответствовала по основным предметам объему восьмого и девятого классов, вместе взятых, а по физике — полному курсу средней школы. Помимо классных занятий, а их было три или четыре пары ежедневно, предстояло выполнить множество внеклассных заданий, на которые уходили все вечера и выходные дни.

Высокая требовательность к постижению изучаемого материала была присуща всему преподавательскому составу, оценивавшему эффективность своей работы не количеством положительных оценок, что, конечно же, не сбрасывалось со счета, а реальным качеством знаний учащихся, что подтверждалось умением применять теоретические положения при решении прикладных задач.

Особой требовательностью отличался преподаватель математики по прозвищу «Урие» (от сокращенного — уравнение). Внешне он походил на чеховского уездного лекаря — та же в меру полная и подвижная фигура с седой клинообразной бородкой и в неизменной «толстовке», за-

менявшей ему пиджак и рубашку. Толстовками назывались некогда модные рубашки из плотного серого полотна. Носились они с поясом, навывпуск, а на груди имели по два накладных кармана. С неимоверной энергией он вдавливал математику в наши бедные головы, не желавшие адекватно отзываться на его усилия. И тут он был безжалостен, пока не добивался усвоения материала каждым слушателем. Им больше других преподавателей ставилось отрицательных оценок, но это обстоятельство ничуть не умаляло его авторитет среди учащихся и у начальства. Его первым среди лучших преподавателей отмечали в приказах и неизменно избирали в президиумы на торжественных мероприятиях, что считалось признаком всеобщего уважения.

Особое внимание, и, как мне кажется, неслучайно, уделялось физике. Физические закономерности являются теоретическим фундаментом всех специальных дисциплин, изучаемых студентами и учащимися учебных заведений технического профиля. В качестве учебников использовались специальные издания для техникумов, в т. ч. переводные. Преподавание отличалось не только большой плотностью теоретического материала, подлежавшего запоминанию, но и невероятным количеством задаваемых на дом задач с исполнением к очередному занятию (преподаватель проводил опрос и выставлял оценки в журнал).

В основе методики преподавания лежал принцип истолкования каждого теоретического положения, формулы или теоремы в их связи с реалиями окружающей среды, улавливать их «физический смысл». Такой подход легко выстраивал логическую цепочку ассоциаций, облегчавших не заучивание, а понимание изучаемого материала.

К сожалению, по моим наблюдениям, такой подход уже в пятидесятые годы был утрачен. Просматривая многократно переиздававшийся учебник физики для техникумов Мансурова (однофамилец моего школьного учителя), невольно убеждаешься в том, как автор от издания к изданию насыщал курс абстрактным математическим аппаратом, формализуя объект понимания в ущерб естественному

мыслительному процессу. Мода брала свое, а хороший изначально учебник не становился лучше.

Но это к слову. Главное же заключается в том, что знания по физике, полученные всего лишь за один год, сохранились в моей памяти надолго, и даже институтский курс мало что прибавил. Приведу лишь один пример. В начале второго курса я ушел из техникума и бывшим в то время директором моей родной школы А. В. Архангельским был определен в десятый класс, тогда как мои прежние одноклассники сидели в девятом. Учебный 1941/42 год был необычайно трудным. Преподаватели-мужчины, в том числе и директор школы, ушли на фронт. Прибывали новые, главным образом из числа эвакуированных, но и они часто менялись по разным причинам. По физике сменилось несколько учителей. Последней была выпускница нашей же школы, студентка третьего курса МГУ Тася Жуйкова. Предмет она, конечно, знала, но учитель из нее, мягко говоря, был неважный. Сложность еще заключалась в том, что ей предстояло справиться со сплоченной толпой ровесниц, многие из которых выглядели не по-детски взрослыми. Всего в классе было тридцать девушек и четыре парня. Как в известной присказке — «Восемь девок, один я...». Преодолеть безразличие к своей дисциплине Тасе так и не удалось, а между тем приближалась экзаменационная сессия. И физика была одним из шести выпускных экзаменов. Накануне экзамена достали тексты всех сорока шести задач, включенных в билеты. Я решал все эти задачи «с ходу», на доске, а остальной класс только успевал списывать. На все ушло два часа, по две с половиной минуты в среднем на одну задачу. По-моему, этим все сказано.

Практические занятия в производственных мастерских техникума вел, как он сам однажды обмолвился, потомственный слесарь с ВИЗа. В этом пожилом человеке по каким-то специфическим чертам угадывался настоящий заводской мастеровой старой закалки.

Программа обучения предполагала отработку практических навыков по холодной и горячей обработке метал-

*Средняя школа № 2 г. Красноуральска, 10 класс.
Весна 1942 года*

лов, включая слесарное, токарное и кузнечное дело. После ознакомления с инструментами, их назначением и правилами пользования отрабатывались практические приемы работы с каждым из них. Довольно трудным оказалось научиться, казалось бы чего проще, пользоваться молотком и зубилом. После такой практики редко кто не ходил с разбитой левой, а если от природы левша, то правой рукой. Правило требует при работе смотреть на обрабатываемую деталь, а не на обушок зубила, по которому предназначен удар молотка. На первых порах удар вслепую, зачастую мимо обушка, приходился по руке, державшей зубило.

Мастер был убежденным профессионалом и не давал никому послабления, даже девчонкам. Ранки на руках зажили, а навык, приобретенный со слезами на глазах, остался.

Как полагалось по программе, рубили, сверлили, пилили, точили на токарном станке, шлифовали, полировали, цементировали, ковали и сваривали металл кузнечным способом.

Р.С.Ф.С.Р.
Народный Комиссариат Просвещения

АТТЕСТАТ

НАСТОЯЩИЙ АТТЕСТАТ ВЫДАН Поплаухин Александр
Александр РОДИВШЕМУСЯ В 1926 ГОДУ,
В ТОМ, ЧТО ОН ОБУЧАЛСЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ
г.в. Красноуральск (Свердловская область)

ОКОНЧИЛ

ПОЛНЫЙ КУРС ЭТОЙ ШКОЛЫ И ОБНАРУЖИЛ ПРИ экзамене
ПОВЕДЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗНАНИЯ:

ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ	<u>хорошо</u>
ПО ЛИТЕРАТУРЕ	<u>хорошо</u>
ПО АРИФМЕТИКЕ	<u>хорошо</u>
ПО АЛГЕБРЕ	<u>хорошо</u>
ПО ГЕОМЕТРИИ	<u>хорошо</u>
ПО ТРИГОНОМЕТРИИ	<u>хорошо</u>
ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ	<u>хорошо</u>
ПО ИСТОРИИ	<u>хорошо</u>
ПО КОНСТИТУЦИИ СССР	<u>хорошо</u>
ПО ГЕОГРАФИИ	<u>хорошо</u>
ПО ФИЗИКЕ	<u>хорошо</u>
ПО ХИМИИ	<u>хорошо</u>
ПО ГЕОЛОГИИ И МИНЕРАЛОГИИ	<u>хорошо</u>
ПО АСТРОНОМИИ	<u>хорошо</u>
ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (англ.)	<u>хорошо</u>
ПО РИСОВАНИЮ	<u>хорошо</u>
ПО ЧЕРЧЕНИЮ	<u>хорошо</u>
ПО <u>физкультуре</u>	<u>хорошо</u>
ПО	

4 июля 1942 года
№ 101

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ
УЧИТЕЛЬ

Александр Поплаухин
Александр

Аттестат Поплаухина Александра
об окончании средней школы № 2 г. Красноуральска.
4 июня 1942 года

Закончилась учеба в производственных мастерских изготовлением какого-нибудь реального изделия: молотка, плоскогубцев, кусачек и т.п., за качество изделия выставлялась оценка по всему курсу.

Высокие требования к качеству приобретаемых знаний выдерживали далеко не все. Из двадцати пяти человек, продолживших учебу в нашей группе, после известного указа, на второй курс по итогам весенних экзаменов перешли восемь и один условно с переэкзаменовкой по одному предмету осенью. В параллельной по специальности и в других группах картина та же. Сработал своего рода естественный отбор. Остались наиболее способные и преданные выбранному делу учащиеся. Для тех же, кто не прошел через сито высоких требований техникума, открылись двери училищ трудовых резервов. Дорога в достойную жизнь распахивала свои объятия перед каждым.

Первый курс по итогам экзаменов с правом на получение стипендии закончили вновь только двое — мы с Васей Наумовым.

Начало войны я встретил на озере Шарташ, хотя узнал об этом лишь через несколько часов.

Оставались последние два экзамена. Очередной, география, представлялся нетрудным, и мы все шестеро, проживавших в комнате и учившихся в одной группе, рано утром, захватив учебники, уехали на озеро, наивно полагая, что сможем не только загорать и купаться, но и продуктивно учить географию на лоне природы.

Воскресное утро 22 июня 1941-го года было тихим и солнечным. Голубое зеркало озера манило теплотой и необычайным спокойствием, а песчаный пляж бодрил утренней свежестью. Берег постепенно заполнялся отдыхающими, на пляже и в озере становилось тесновато. Появились буфеты, играла музыка, было шумно и весело.

Между тем, солнце приближалось к зениту, а плечи и спины приобретали ярко-розовую окраску. Чтобы не сгореть окончательно и вернуться к географии — у озера, естественно, было не до учебников, — мы отправились

после обеда домой. Путь от озера шел мимо Каменных Палаток до Втузгородка, а далее на трамвае почти до железнодорожного вокзала. Техникум находился в Красном переулке, что напротив Управления Свердловской железной дороги, а общежитие — на соседней улице.

О нападении Германии на Советский Союз узнали уже будучи в общежитии из выступления по радио В. М. Молотова в два часа дня.

Последние экзамены сдавали под впечатлением разворачивающихся событий. Митинги, мобилизация. Ребята, недавно отслужившие срочную, призваны в первые дни. Многие записывались добровольцами. Была уверенность в скором разгроме агрессора. Сотни мобилизованных мужиков проходили через сборный пункт во дворе нашего общежития. Военные, младшие командиры, заставляли развязывать «сидора» и выбрасывали за забор поллитровки с водкой.

Еще не успели отзвучать слова песни: «Если завтра война, если враг нападет...», как грозным набатом ворвалась: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...».

Появились первые эшелоны с ранеными. Война разворачивала свои кровавые объятия.

В техникуме из учащихся, не подлежащих мобилизации по возрасту, комплектовали бригады в помощь народному хозяйству, в основном для работы на железной дороге. Я записался в связисты. Нашу бригаду из шести человек направили в распоряжение Кушвинского линейного околотка связи с кодовым названием ШЧ-4. Под руководством местного мастера мы строили линию связи от станции Гороблагодатская до г. Серова, а затем — силовую высоковольтную линию между станциями Гороблагодатская и Азиатская.

Новую линию связи, дополнительно к существующим, монтировали на тех же опорах, что идут вдоль железнодорожного полотна. В бригаде трое, и я в том числе, работали верхолазами. Каждому из нас ежедневно приходилось подниматься на 30–35 опор по два-три раза на

каждую. Многие из них стояли в болоте, а до некоторых приходилось добираться по пояс в воде. Но наибольшую головную боль представляли опоры из свежепропитанных креозотом столбов. В солнечные дни креозот вытапливался из древесины, и опора становилась настолько скользкой, что монтерские когти срывались, и монтер, если не успел закрепиться за траверзу или крюк, оказывался верхом на рельсовых пасынках. Ощущение, прямо скажем, не из самых приятных.

На верху опоры задача состояла в том, чтобы, закрепившись, высверлить два отверстия, вернуть в них при помощи специального ключа два крюка с изоляторами. После того как изоляторы установлены на 20–30 опорах, что соответствовало одному-полутора километрам линии, наверх поднимался предварительно раскатанный на всю длину стальной провод, который затем при помощи полиспафта натягивался, выверялся мастером «провес», т.е. степень натяжки, и начинался подъем по третьему разу для окончательного крепления проводов к изоляторам. И так километр за километром.

Ночевали во временных пристанищах, на станциях или полустанках, перебираясь через каждые три-четыре дня на новое место по мере продвижения на север. Питались, главным образом, хлебом с молоком — единственными продуктами, которые можно было получить в местах ночевки.

Каждый день приносил в нашу жизнь новые впечатления, встречи, необычные ситуации. На романтическое в известной степени восприятие жизненных коллизий накладывался элемент этакой бравады — ведь нам было по пятнадцать-шестнадцать лет. Ежедневно от станции к станции или ближайшему разъезду приходилось ездить на проходящих пассажирских поездах по бесплатному проездному билету. В переполненном пассажирском вагоне нужно было обязательно пройти из одного конца в другой и показаться во всей красе: затянутый в монтерский пояс с цепью, на котором висят плоскогубцы, кусачки, изоляторный ключ; на плече когти, на другом — сумка с различными

причиндалами. Интерес пассажиров возбуждал юношеское самолюбие. Знай наших!

Но дело, конечно, не только в юношеской браваде. Работали мы действительно здорово.

По окончании строительства линии связи нашей бригаде поручили строительство линии электропередачи. Здесь состав работ был другой — от нуля. Копали ямы глубиной 1,8 метра (норма в день — 4–5 ям, в зависимости от грунта, на человека), устанавливали столбы с изоляторами и натягивали медные провода.

Выполнили мы и это задание. Правда, в заключительной стадии произошел неприятный случай. Закончив монтаж линии, сдали мастеру весь рабочий инструмент, и тут обнаружилось, что на одной из опор не закреплен провод на изоляторе. Настроение было уже нерабочее, и никому не хотелось подниматься на эту опору, к тому же она, как и другие, была свежепропитанной креозотом и отталкивающе блестела жидкой смолистой поверхностью. Чтобы разрядить спор, я взял первые попавшиеся под руку когти, как потом оказалось, с затупленными рабочими зубцами, и без монтажного пояса поднялся до проводов. Тут когти сорвались, и я с девятиметровой высоты, успев обхватить опору руками, скользнул вниз, оставив на ней кожу с ладоней обеих рук. С тем и отправился пешком по шпалам домой в Красноуральск.

Кстати, с работой на опорах воздушных линий связаны еще два едва не окончившихся трагедией случая.

В одном, это было той же осенью, я попал под напряжение 220 вольт на верху опоры, схватившись одновременно обеими руками за разные фазы. Подвела привычка иметь дело со слабыми телефонными токами. Отметина от этого — черное пятно величиной с горошину, глубокий след от ожога на большом пальце правой руки еще долго напоминал о себе. А через три года, уже будучи довольно квалифицированным электромонтером, дежурной по главной подстанции Катюшей Брысиной был допущен до работы на невыключенной высоковольтной линии электропередачи вследствие

банальной оперативной ошибки, которую одновременно заметили ответственный дежурный техник Тамара Сергеева и я, уже приготовившийся к подъему на опору, обратив внимание на случайно не выключенную электролампочку в кабине экскаватора, который мне предстояло отключить от высоковольтной линии.

Были соблюдены, казалось бы, все формальности требований безопасности при работах в электрических установках высокого напряжения: выдан письменный наряд, отключен питающий фидер, поставлено заземление. Но кто мог подумать, что допускающий дежурный специалист может перепутать фидера?

До трагедии оставались считанные минуты.

В семье лето и осень сорок первого прошли в тревожном ожидании повестки из военкомата. Напряжение возрастало по мере того, как мобилизация захватывала военнообязанных старших возрастов. Отцу было 47 лет, и его призвали в ноябре в «трудовую армию». В лютую зиму 1941/42 г. десятки и сотни тысяч непригодных к строевой службе по здоровью и возрасту долбили промерзшую землю, заливали фундаменты, прокладывали инженерные коммуникации, возводили корпуса цехов нередко над уже работающими станками эвакуированных заводов.

Отец оказался в Нижнем Тагиле на строительстве авиационного завода. Прибывавшие «трудоармейцы» размещались в палатках и немедленно включались в строительный процесс, одновременно сколачивая для себя дощатые казармы. Посреди казармы водружалась железная печь, топившаяся круглосуточно метровыми дровами, что, однако, не спасало от примерзания непросыхающей спецодежды к деревянным топчанам. Питание в столовой по карточкам было более чем скудным, позволявшим лишь частично поддерживать таявшие жизненные силы. Тех, чьи дома находились в ближайших населенных пунктах, поддерживали родственники. Отец подрабатывал ремонтом обуви. Потеря хлебных карточек (их выдавали один раз в месяц и не восстанавливали) была равноценна смертному приговору,

особенно для тех, кто не имел поддержки со стороны. Человек «доходил», опускался, и уже ничто не могло вывести из состояния дистрофии.

В Красноурапск на строительство завода по производству взрывчатки прибыло несколько тысяч эстонцев, мобилизованных в первые дни войны. Для их размещения не было даже палаток, поэтому они построили для себя лагерь из землянок, проложили дорожки, обнесли штакетником — аккуратный летний поселок. А впереди — зима. Завод с его внешней инфраструктурой: подъездными путями, складскими помещениями, сооружениями охраны и пр. строился на обширной территории заболоченного леса, что само по себе задача не из легких. Тяжелейший труд на стройке никак не компенсировался жидкими калориями трехразовых обедов. Рослые парни, не привыкшие к недоеданию и суровой уральской зиме, не выдерживали и нередко погибали. Но были и такие, кто подкармливался у сердобольных вдовушек.

По окончании строительства и пуска завода в эксплуатацию из тех, кто выдержал, был сформирован эстонский корпус, вошедший в состав действующей армии.

В 1943-м была предпринята попытка пополнить поредевшие за счет мобилизации на фронт рабочие места уроженцами из солнечного Узбекистана. Однако эту бородастую и полосатую массу (они так и не сменили свои ватные халаты на спецодежду) не удалось приучить даже к самой простой профессии. Там, где справлялась одна работница, например, на уборке стружки от токарных станков, за «чумак» брались четыре-пять узбеков и могли тянуть его с утра до вечера или, завернувшись в свои халаты, сидели на корточках где-нибудь в углу.

Зато у всех была патологическая жажда к накоплению денег. Продавали все — от привезенных с собой сухофруктов до хлебных и продовольственных карточек, и умирали с голоду. А в поясах обнаруживались зашитыми десятки тысяч рублей. Помучившись с ними несколько месяцев и не добившись толку, кроме дополнительной головной

боли, руководство сочло за благо отправить их обратно в солнечный Узбекистан. Не знаю, как на фронте, а в тылу, на Урале, эти доблестные потомки Улукбека оказались никудышными помощниками.

Отец перед отправкой успел вывезти сено, которого, впрочем, до весны не хватало, и частично заготовить дров. Зимой недостаток сена восполняли подборкой на лесных дорогах, а на дрова спиливали деревья в лесочке неподалеку от дома, те, что были поближе. Подборкой сена занимались мы с мамой, а дровами — Аркадий с Федором.

Бедствия семьи начались на другой день после проводов отца. Утром пала лошадь Карюха — свезли на корм собакам. Заканчивался картофель, не говоря уже о других овощах. По карточкам — одна «иждивенческая» и пять «детских» — полагалось 1,9 килограмма хлеба в сутки (нормы: детская — 300 гр., иждивенческая — 400 гр.)

В похожем положении оказались многие семьи работавших в организациях местной промышленности. Для их поддержки была открыта кухня с приготовлением обедов на вынос. Ассортимент состоял из жидкого супа с галушками из ржаной муки с отрубями и самодельной лапшой и редко картофельное пюре. Кухня находилась на другом конце города в т.н. поселке Химик, примерно в четырех километрах от нашего дома. Ежедневно до школы мне предстояло сходить за шестью литрами этого супа. Уже одно это позволяло хотя бы один раз в день накормить ребят досыта. Кроме того, школьники получали бесплатный обед из двух блюд в школе, заменявшийся иногда булочкой.

Всего этого, конечно же, не хватало, особенно когда «запускалась» корова перед отелом. В обмен на продукты в ближайших деревнях обменивалось на продукты все, что удалось приобрести до войны. Предпринимались и далекие походы. Один из них — в деревню Новоселово за сорок с лишним километров. Неблизкий путь. Вышли вечером. На дворе трескучий январский мороз под сорок градусов, чистое звездное небо и яркая луна, светившая так, что «хоть иголки собирай». Удивительное это явление — светлая

морозная ночь, белоснежные, чуть подернутые бархатистой изморозью сопки и тишина, нарушаемая лишь поскрипыванием снега под полозьями санок и торопливыми шагами идущих.

Новоселово — справная деревенька в два десятка домов, окруженная вековой уральской тайгой. В домах чувствовался достаток, и хозяйки охотно делились припасенными с осени запасами в обмен на городские товары. В этом, без преувеличения, медвежьим углу еще сохранилась первозданная доброта и уважительность. На улице взрослые и дети здоровались с незнакомыми людьми, а в домах непременно приглашали к столу.

Мужчин в деревне, если не считать двух-трех стариков, не было. Бабы с ребятишками еще получали фронтные треугольнички и не догадывались, что эти дорогие весточки вскоре заменят конверты со скорбными словами похоронок.

В пятидесятых годах деревеньки не стало.

А в доме нашем был настоящий муравейник. Кроме еды возникали расходы на тетради, карандаши, одежду и пр. Поэтому все, исключая Виктора, которому не исполнился еще и год, принимали участие в надомном процессе — шитье рукавиц по заказу и из материалов, поставляемых артелью. Это были рабочие рукавицы (вачеги) из брезента или специальной ткани, отработавшей свой срок на фильтрах обогатительной фабрики медьзавода. В большом количестве шились зимние рукавицы (шубенки), на которые расходовались списанные овчинные полушубки. «Шубенки» были обыкновенные с дополнительным напалком под указательный палец, они предназначались для солдат. Работа состояла из нескольких несложных, но достаточно утомительных операций. Все они, за исключением машинной составляющей, выполнялись вручную. Кроили, простригали шерсть под шов, выворачивали напалки и готовые рукавицы, сшивали их попарно и укладывали в пакеты. Работы всем хватало до позднего вечера. От напряжения у ребят ныли мышцы и горели мозоли на руках.

А еще нужно было выполнить домашнее задание к урокам на завтра, покататься на лыжах или просто порезвиться на улице. Трудности первой военной весны научили главному: выживанию в, казалось бы, самой безвыходной ситуации, трудиться, не позволяя себе расслабиться и упасть на колени. Стержнем нашего маленького коллектива, изобретательным организатором и примером во всем была наша мама Елизавета Александровна. Я не случайно употребил слово «коллектив», ибо мы все, независимо от возраста, в меру своих сил старались вложить свою долю в выживание семьи и победили.

С наступлением погожих весенних дней взялись за огород. Полностью освоили старый и дополнительно подняли целину на такой же площади. Сажали в основном верхушечные срезы картофелин. Осень отблагодарила приличным урожаем. Для его сохранения оборудовали новое хранилище, углубив на метр подполье под всем домом. Картофеля на этот раз хватило до нового урожая.

Сенокосная пора полностью легла на «мужские» плечи, насчитывавшие на троих тридцать четыре года. У каждого соответственно возрасту был свой инструмент, а рабочий день начинался и заканчивался для всех одновременно. За месяц страды мне, Аркадию и Федору удалось заготовить почти двухгодичный запас сена. Это означало, что будем с молоком и мясом. С осени же заготовили дрова, спиливая ближайшие деревья, и, разделив, вывозили к дому на двухколесной тележке. Опыт предыдущей зимы заставил всерьез «готовить сани летом».

К концу лета сорок второго скупые сводки с фронтов становились все тревожнее. Четыре госпиталя, развернутые в городе, заполнены ранеными. Призываются в армию ребята рождения двадцать пятого года. Несколько девчат, выпускниц нашего класса, ушли добровольцами в зенитные части. Эшелоны с солдатами уходят под Сталинград... Под Сталинград...

28 сентября 1942 года я впервые вошел в проходную медеплавильного завода и открыл дверь ставшего на

5735

Земельный участок в обрабатываемом
хозяйстве на основании у
достоверных сведений
Фамилия
наименование
наименование
№ 80974 от 9.10.52г
от инспекции кадастра
наделов **Тамбов**

Трудовая книжка

Фамилия Поплаухин
Имя Александр
Отчество Семенович
Год рождения 1926
Образование: начальное, среднее, высшее
(поочередно)
Профессия инженер-электрик
Подпись владельца Трудовой книжки
А. Поплаухин
Дата заполнения Трудовой книжки
28. августа 1945

СВЕДЕНИЯ

№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	О РАБОТЕ работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2			3	4	
1.	1945	IX	28	Принят в <u>Красноуранский электромонтажный трест</u>	<u>электростанция</u>	<u>Красноуранский трест</u>
2.	1945	X	3	<u>Переведен в от. лабораторию</u>	<u>участков</u>	
3.	1945	XI	23	<u>Воспит. в заводе - электромонтажном</u>	<u>в связи с</u>	
				<u>переводом в от. Свободовск.</u>	<u>А. Поплаухин</u>	
				<u>г. Тамбов от кадров.</u>	<u>Свободовск. (Шахова)</u>	

Трудовая книжка
Поплаухина Александра Семеновича

предстоящие три года вторым домом электроремонтного цеха. Иван Алексеевич Бурдаков — начальник цеха и мастер ремонтной группы одновременно — определил мне первый рабочий разряд. Через несколько дней был призван в армию последний специалист по ремонту электромоторов средней и большой мощности — Петр Лисицын, и я, если не считать нескольких девочек обмотчиц, остался единственным работником, умевшим держать в руках молоток и плоскогубцы. А еще через пару дней ко мне подключили напарника в ранге ученика Мишку Лаврентьева, имевшего временную отсрочку от призыва в армию по болезни. Некоторые познания в слесарном деле и электротехнике, полученные в техникуме, помогли довольно быстро освоить основные операции ремонта электромоторов, а остальное приходилось осваивать на ходу, ставить вопросы самому себе и самому же искать ответы на них. Помнится, с моим начинающим учеником я опростоволосился с ремонтом первого в моей жизни электромотора. Это был мотор типа УТ в герметичном исполнении. Такие ставились на песковые насосы в самых сырых и грязных местах. Нужно было заменить сгоревшую обмотку на новую. Все шло как надо. Разобрали старую обмотку, прочистили пазы, установили соответствующую изоляцию, намотали первый ряд катушек проводом нужного сечения и тут поняли, что второй, верхний ряд укладывать некуда, мешали лобовые части нижнего ряда. Они должны иметь прогнутую конфигурацию, а не прямую, как мы изготовили. Иван Алексеевич на мой вопрос: «Что делать?» — посоветовал: «Как намотал, так и разматывай! А на будущее, прежде чем что-либо делать — пошевели мозгами».

Урок, думается, пошел впрок. Теперь, прежде чем приступить к ремонту того или иного устройства, старались его внимательно изучить, предусмотреть возможные варианты применения тех или иных материалов, приспособлений, последовательности операций. Набирались опыта и под грузом ответственности быстро взрослели.

Наша ремонтная мастерская площадью не более ста квадратных метров размещалась в боковом пристрое

ремонтно-механического цеха, половину которого за перегородкой занимал цех № 1 — токарный участок по изготовлению снарядных корпусов. По углам мастерской стояли: электрический силовой щит, служивший одновременно испытательным стендом, электрическая сушильная печь, сверлильный станок, два слесарных верстака. Четвертую часть площади занимал обмоточный участок с оплеточным станком для восстановления изоляции на отреставрированных проводах. Реставрация проводов заключалась в обжиге и зачистке от старой изоляции и нанесении новой методом встречной оплетки хлопчатобумажными нитками. Здесь было царство Ольги Розановой с несколькими девочками. Кроме оплетки проводов они изготавливали всевозможные катушки к пусковой аппаратуре и обмотки мелких моторов.

Середина мастерской была заставлена крупными моторами в собранном и разобранном виде на полу, на специальных столах, на козлинах, под сушильным укрытием. Ими занималась наша постепенно скомплектованная бригада: Сергей Сунагатуллин, Николай Каранин, Михаил Ключин, демобилизованный по ранению Иван Шереметов, Владимир Бурве, Георгий Целио — грек, депортированный из Крыма, Владимир Сапожников и др. Все они приходили в бригаду без малейшего представления о профессии. Исключение составлял Сергей Сунагатуллин, слесарь, выпускник ремесленного училища. Были и совсем пацаны: младшие Сапожников и Подыминогин. И даже среди них, четырнадцатилетних, выделялся Володя Сморкалов, внешне тянувший на все двенадцать лет, и тем значительнее его поступок в крайне критической ситуации. А произошло следующее: с нагретого им паяльника отскочил кусочек раскаленной окалины и попал в стоявший неподалеку двадцатилитровый бак с пропиточным лаком. Пламя от вспыхнувшего растворителя вскинулось столбом до самого потолка. Еще миг, и деревянное покрытие было бы объято огнем. Вовка, не раздумывая, упал на горящий бачок животом — он был в телогрейке — и погасил пламя. Все произошло так быстро, что присутствовавшие при этом не

сразу сообразили, что было. Герой не получил даже ожога, как, впрочем, и благодарности.

Часть обмоточных проводов и специальных изоляционных материалов (миканит, микафолий, различные лакоткани) сохранилась из довоенных запасов, часть поступала по американским поставкам, но возникали и кризисные ситуации — выручала рабочая смекалка. Например, лакотканы иногда заменяли бумажными лентами, пропитанными натуральной олифой. А обмотки сварочных трансформаторов изолировали лентами из бязевого полотна с последующей двух-трехкратной пропиткой лаками. Особая тщательность требовалась при ремонте электромоторов большой мощности зарубежных фирм «Сименс Шуккерт», «Сименс Гальске», «Дженерал моторс» и др., которыми были укомплектованы приводы рудоразмельных мельниц и дробилок первичного дробления руды, равно как и отечественных Харьковского и Ленинградского заводов. Дело в том, что они, кроме специфических изоляционных материалов, в обмотках использовали провода прямоугольного сечения, которых не имелось в складских запасах. Поэтому, когда выгорала при коротком замыкании одна или несколько секций (в каждой по 16–20 проводников), приходилось для замены сгоревших выпиливать вручную аналогичные из листовой меди, подгоняли под размер оригинала по всей длине, шлифовали и припаивали к целым участкам в лобовой части секции. После соответствующей подгонки и пропайки накладывалась изоляция на каждый проводник и вся секция укладывалась в паз. Качество гарантировалось только точностью и повышенной внимательностью в работе. Я не помню ни одного случая аварии по причине дефектов ремонта.

Первые годы официальная продолжительность рабочего дня была двенадцать часов. Выходных и отпусков не полагалось. Но так складывалось, что из-за высокой аварийности в цехах редкая неделя обходилась без непрерывной круглосуточной работы. Часто крупные моторы, чтобы лишней раз не нарушать их центровку да и демонтаж, перевозка

и послеремонтная установка представляли непростую задачу, так как подъемные механизмы были далеко не везде, приходилось ремонтировать прямо на месте их установки рядом с другими действующими агрегатами.

Запомнилась аварийная ситуация на насосной станции первого подъема на реке Туре, что в двенадцати километрах от города. Вода от нее по двум чугунным водоводам поступала в город и на промышленные предприятия. Прекращение подачи воды от этого единственного источника означало остановку не только медьзавода, но и двух химических заводов, имевших непосредственное отношение к выпуску важнейшей оборонной продукции. На насосной станции из трех подающих воду насосов остановились почти одновременно два. Мощные высоковольтные двигатели остановились по причине пробоя на корпусе и выгорания нескольких секций обмоток. Нам с Сергеем Сунагатуллиным потребовалось трое суток непрерывной работы без сна и отдыха, чтобы насосная станция заработала в обычном режиме. После этого мы получили суточный отгул и проспали его «от звонка до звонка».

На заводе не хватало электроэнергии. Поэтому весь пар, получаемый в трех котлах-утилизаторах, установленных за отражательными печами по ходу горячих газов, расходовался в турбогенераторе, вырабатывавшем электроэнергию в заводскую сеть. Отопительные системы цехов были отключены, а в каждом помещении установлены железные печи. Все работники завода имели персональное задание: заготовить по пятнадцать кубометров дров. С этой целью ежедневно в лесосеку в районе бывших Вербных разрезов отправлялся состав из нескольких платформочек, который, лихо болтаясь из стороны в сторону по наскоро проложенной узкоколейке, тащил паровозик, выбрасывая, очевидно от натуги, вместе с дымом снопы искр, от которых то и дело дымились одежда пассажиров, чудом удерживавшихся на платформах. За день вдвоем удавалось напилить и сложить в поленницы не более восьми кубометров. Поездки эти доставляли в некотором роде

удовольствие. Целый день на открытом воздухе, вдали от заводской пыли и грязи. А усталость в этом возрасте проходит быстро.

Паровозик вскоре заменил мотовоз, но проблемы остались: падения, поломки, ремонты без запасных частей. Однажды я стал невольным свидетелем спора между машинистом мотовоза, татаринном по национальности, и механиком участка, Филиппом Григорьевичем Глазычевым. В заключение спора рассерженный машинист бросил механику: — Эх, Пилип, ты, Пилип, хуепский ты человек, Пилип! — махнул рукой и полез на свой мотовоз.

Не хватало бензина. Большинство грузовых автомобилей работали с газогенераторами, использовавшими в качестве топлива березовые чурбачки определенных размеров и влажности.

Дирекция завода с помощью «Продснаба» и подсобного хозяйства наладила питание работающих. Были открыты столовые во всех крупных цехах. Питание отпускалось по одно- и трехразовым талонам. Меню в основном было овощное, но бывали и мясные блюда, в том числе котлеты из рыбного порошка. Говорили, что этот порошок поступал из Японии, там его применяли в качестве удобрения в сельском хозяйстве. Утверждение это недалеко от истины, ибо японцы и в настоящее время используют часть рыбного улова на удобрения.

Хлебные карточки на заводе выдавали трех категорий: для служащих — 600 грамм, основные рабочие — 800 грамм, для работающих в тяжелых и вредных условиях — 1000 грамм в день. На сверхурочных и аварийных работах выдавали талоны на УДП — «усиленное дополнительное питание», или в другой интерпретации «умрешь днем позже». По ним полагалось 50 грамм шпика.

По характеру работы мне выдавалась килограммовая хлебная карточка и трехразовые талоны в столовую.

А дома продолжали шить рукавицы, на продажу шили кожаные и брезентовые тапочки и даже туфли, вязали чулки, панамки — все в обмен на хлебные талоны.

В школу ходили двое — Аркадий и Федор. Отца перевели в Свердловск, и ему удавалось иногда на денек приехать навестить семью.

Весной сорок третьего пришло время допризывной подготовки ребят двадцать шестого года рождения. Начальная подготовка на ВУПе (военно-учебном пункте) проводилась ежедневно после рабочего дня в течение двух месяцев. Инструктором в нашем взводе был скромный очкарик, инженер-металлург Б. В. Мальцев. А осенью, в сентябре-октябре, состоялся полуторамесячный сбор с отрывом от производства. Учебная рота, включавшая всех одногодков, проживавших в это время в городе, насчитывала сто двадцать человек. На этот раз программа, кроме общей подготовки, предусматривала обучение минометному делу. Нас учили нехитрому устройству пятидесятимиллиметрового миномета, снаряда к нему, прицельного устройства и правилам стрельбы.

Не пригодные по ранениям к строевой службе сержанты и одноглазый лейтенант Певзнер, он же начальник ВУПа, потерявший глаз в первом же бою после училища, натаскивали нас приемам боевого применения ротного миномета. Кроме изучения теории и материальной части, предусматривались практические занятия со стрельбой боевыми минами. Две попытки реальных стрельб окончились неудачей. При первой все мины, выпущенные по мишеням, стоявшим в пятистах метрах, взорвались в двадцати-тридцати метрах за укрытием, которым служила железнодорожная насыпь. Оказалось, что, пока занимались дополнительной подготовкой, бегали, ползали, окапывались, при перетаскивании миномета потеряли чеку — деталь крепления ударника с бойком. А второй раз, после нескольких выстрелов по мишеням, очередная мина застряла в стволе. Операция по извлечению из ствола невыстреленной мины достаточно опасна. Взрывное устройство от удара в стволе может оказаться на взводе, хотя такая вероятность невелика, но если это произойдет, то малейшее прикосновение к головке мины при ее свободном выкате из ствола приведет к взрыву.

Удалив нас на безопасное расстояние, побледневший лейтенант сумел извлечь мину, и, как он признался потом, это был первый в его практике случай. Было отчего побледнеть. На этом, чтобы не искушать судьбу, стрельбы из миномета прекратились.

Остальные тренировки со стрелковым оружием, тактика, строевая и пр. шли своим чередом по двенадцать часов в день. К окончанию сбора призывники получили основные солдатские навыки, что несомненно сокращало их обучение непосредственно в армии.

В конце октября — начале ноября сорок третьего семнадцатилетние ребята двадцать шестого года рождения стали солдатами. Немногим, не более десяти-двенадцати, оставленным на трех заводах, выдали приписные свидетельства с красной полосой, означавшей, что данный призывник забронирован за народным хозяйством.

Солдаты призыва сорок третьего года оказались в самом пекле наступательных операций второй половины войны. Среди тех, кто уцелел и вернулся — Герой Советского Союза Леонид Бабушкин.

В сорок четвертом году жизнь в тылу приобрела более или менее размеренный характер. Эвакуированные и вновь построенные заводы набрали высокие темпы производства военной продукции. Этому в решающей степени способствовали сформировавшиеся кадровые коллективы. Партийные и комсомольские организации через средства массовой информации широко рекламировали опыт передовиков. Отличившимся молодежным бригадам присваивались звания фронтовых. В их числе носила имя фронтовой и наша бригада электромонтеров.

На рабочих местах, традиционно мужских, неплохо зарекомендовали себя женщины. На Красногвардейском руднике бригаду женщин-забойщиц возглавила Маша Миронова, а плавильщицей в металлургическом цехе стала после десятилетки Шура Степанова. Много девушек работали токарями в цехе № 1.

В печати и по радио постоянно звучали имена передовиков Н-ских заводов. Их настоящие названия даже под номерами не произносились вслух. Режим секретности, безусловно необходимый, доводился иногда до абсурда. Так, инструкция для приемщиц отдела технического контроля, оформлявших документацию на готовую продукцию завода — черновую медь, запрещала при подсчете штыков (слитков), разложенных на открытой площадке, показывать и покачивать пальцем. Шпион мог, наблюдая со стороны, по количеству «качков» пальца определить объем выпуска меди за смену или за одну плавку. Научи дурака богу молиться...

Как ни уставали на работе, молодость искала выход естественным эмоциям. В клубах на Красногвардейском и Ново-Левинском рудниках и Доме культуры регулярно проводились вечера танцев — любимое место встречи молодежи. На сцене Дома культуры выступали артисты свердловских и столичных театров. Здесь звучал бас знаменитого М. Д. Михайлова, песни в исполнении Украинского государственного мужского хора. Казалось, что стены зала разваливаются от мощных звуков: «О, Днепро, Днепро, ты широк, могуч...»

Микрофонов и усилителей не было. Частым гостем города была труппа музыкального театра оперетты лилипутов. Зрители с удовольствием принимали в их исполнении «Сильву», «Баядеру», «Марицу» и др. На удивление, эти малявки играли довольно профессионально и с большим успехом.

На технологических операциях по погрузке руды, флюсов и концентратов, а также на отгрузке готовой продукции работали экскаваторы самых разных конструкций и фирм — от первенца советского экскаваторостроения «Комсомольца» с объемом ковша 0,15 кубических метров до двухкубовых немецких «Менков» и паровой «Шкоды», однокубового «Везерхютте» и американского «Керинга». Все машины этой разномастной компании были основательно изношены и постоянно выходили из строя по механической либо электрической части. Этому в немалой степени

способствовала низкая культура текущего обслуживания. Единственный на все хозяйство электрик Сергей Редозубов, зачуханный круглосуточными переключениями и авариями, всегда в масляной грязи с головы до ног, успевал только латать непрерывно возникавшие прорехи. По этой причине электрооборудование экскаваторов частенько оказывалось в наших руках.

Настоящим открытием для специалистов стал поступивший на завод в конце лета сорок четвертого американский экскаватор «Бисайрус Эри 100 Б» с емкостью ковша в 2,5 кубометра. Эта машина имела новую для нас систему привода всех механизмов: напора, подъема, поворота, открывания ковша и передвижения экскаватора. Приводившие их в действие моторы постоянного тока питались от пятимашинного агрегата системы «Леонарда», представлявшего собой четыре генератора постоянного тока, запитываемого от внешней сети высокого напряжения.

Применение постоянного тока позволяло обеспечить плавную и достаточно экономичную работу всех механизмов экскаватора и непривычные для нашей практики комфортные условия труда машиниста. На всех других типах экскаваторов, имевшихся на заводе, управление обеспечивалось при помощи механических рычагов, требовавших немалых физических усилий, основательно выматывавших за смену машинистов. Отапливаемая, что также было необычным, с хорошим обзором кабина и удобно расположенные рукоятки контроллеров, не требовавших силового напряжения, вызывали восхищение рабочих-экскаваторщиков. Но это потом, а вначале предстояло разобраться в документации (вся на английском языке), собрать машину и научиться ею управлять.

Сборку механической части возглавил опытный механик экскаваторного хозяйства Александр Никитич Оносов, по прозвищу «Ясное море», а электротехническую часть поручили мне с приданной бригадой из наиболее опытных монтажников. Пригодились полученные в школе некоторые познания в английском языке. По ходу сборки обнаружилось

*В цехе в обеденный перерыв.
1944 год*

отсутствие токоприемного устройства. На имевшихся экскаваторах эта задача решалась просто: за поворотной платформой болтался шланговый кабель, положение которого контролировал находившийся снаружи помощник машиниста. Было несколько случаев, когда зазевавшийся помощник травмировался, будучи прижатым поворотной платформой.

Для изучения конструкции недостающего устройства я был командирован в Гороблагодатское рудоуправление, имевшее несколько полученных раньше нашего экскаваторов этой

фирмы. Главный энергетик рудоуправления А. Кандель (отец известного баскетболиста) предоставил мне возможность ознакомиться с машиной и заэскизировать интересующие нас детали токоприемного устройства.

При первом опробовании экскаватора это пришлось делать мне, так как никто другой не владел хотя бы теоретически системой управления. При испытании выявилось несоответствие скорости напорного механизма положению ручки управляющего контроллера. При контрольной ревизии элементов управления выяснилось, что причина неправильной очередности включения скоростей электромотора механизма напора изначально заложена в фирменной электрической схеме.

Потом знающие специалисты рассказывали, что подобные загадки закладывались фирмой специально, в расчете на обращение заказчика за шефналадкой, естественно за дополнительную плату.

Благодаря простоте управления опытные машинисты, переведенные с других экскаваторов, быстро освоили технические возможности машины.

После войны по такой же принципиальной компоновке будут выпускаться Уралмашем экскаваторы серии ЭКГ, с такими же и даже лучшими характеристиками, но отличаются они от «Бисайруса» так же, как автомобиль «Студобекер» от ЗИЛа.

Напряженная работа и домашние заботы не смогли истребить страстного желания продолжить учебу, но, как оказалось, школьный запас знаний настолько выветрился, что впору было начинать с таблицы умножения. Но «смелость города берет». В декабре сорок четвертого, будучи в командировке в Свердловске, на всякий случай зашел на заочный факультет Индустриального института и, представившись его декану Б. Г. Перетц, поделился желанием поступить на учебу на этот факультет. Он посмотрел на меня, как показалось, очень пристально и спросил:

— А не поступали ли Вы к нам раньше?

— Да, — отвечаю, — в сорок втором, но...

— Так, Вы наш первый после перерыва заочник!

Оказалось, что заочный факультет с осени сорок второго года не работал и только второй день как возобновил свою деятельность.

Мне тут же выдали студенческий билет, снабдили программами, методической литературой, оказавшейся под рукой, контрольными заданиями. Итак, я вторично стал студентом заочного факультета Индустриального института им. С. М. Кирова.

Дома, как голодный на хлеб, набросился на учебники и в мае следующего года сдал экзамены за первый курс по физике, химии и английскому языку.

В цехе к этому времени сформировался работоспособный состав электромонтеров, главным образом, из числа повзрослевших и набравшихся опыта бывших пацанов, и мне разрешили перевод в другой цех — на главную подстанцию, в лабораторию релейной защиты. Постигение

методов релейной защиты электрических установок и всевозможных электрических измерений интересовало меня с чисто профессиональных позиций. На новом месте судьбе было угодно свести меня с замечательным парнем Вадимом Путилиным, которому я обязан знаниями и опытом релейщика, полученными в те немногие месяцы работы в лаборатории.

Победу встретили всеобщим ликованием. В цехах, где это возможно, не работали. Радость, улыбки, слезы. Был общезаводской митинг. Выступая на нем, директор завода Д. С. Неустроев разрыдался. У него погиб единственный сын.

Жизнь постепенно входила в новое русло. Начали возвращаться первые фронтовики. О приготовлениях на востоке не говорили вслух. На повестку дня встал вопрос выбора. Директор завода Дмитрий Сергеевич Неустроев, проходя однажды по цеху, остановился около меня и предложил путевку в Московский институт цветных металлов и золота. Предложение было заманчивым, но, как мне казалось, преждевременным. Оторваться далеко от дома в то время еще не представлялось возможным. Реальным к лету сорок пятого начал вырисовываться один из вариантов: продолжить учебу заочно, перевестись с досдачей экзаменов на второй курс очного или начать все сначала — с первого курса очного обучения. После некоторых размышлений я выбрал последний, полагая, что только очная форма обучения может дать настоящие знания, не осознавая еще, что непосредственное общение в студенческой и преподавательской среде — решающий фактор формирования не только знаний, но и общечеловеческой культуры.

По заявлению переводом с заочного был зачислен на первый курс энергетического факультета по специальности «Энергетическое оборудование и автоматизация промышленных предприятий». В соответствии с вызовом института уволился с завода в самом конце июля 1945-го года, имея в запасе месяц для подготовки к зиме. Необходимо было,

Август 1945 года. Стоят: Аркадий и Федор.
Сидят: родители Семен Никитич и Елизавета Александровна,
сын Александр, на коленях Надя и Виктор

как минимум, накосить сена и заготовить дров. Отец вернется только в ноябре. А в доме было уже трое школьников: Аркадий, Федор и Надежда.

Девятнадцать лет от роду. Много это или мало? Это смотря как.

В общежитии техникума одним из шестерых проживавших в комнате был Вася Кобелев. Ему было девятнадцать лет и нам, пятнадцати- и шестнадцатилетним, он казался стариком. Вдобавок, будучи парнем неглупым, он был каким-то нескладным, неумехой. Например, никак не мог обвести тушью чертежный алфавит и, когда с четвертого раза стало получаться, уже в самом конце сподобился размазать тушь по планшету. А во всем остальном, казалось, не отличался от нас ничем.

А в сорок пятом девятнадцатилетние командовали взводами и ротами, вели на смерть таких же, как они сами, только стриженных наголо ребят. Да, они были другие, взрослее от того, что им было вручено право распоряжаться своей и чужой жизнью.

А те немногие, оставленные в тылу, мужали в жестоких схватках с голодом и изнурительным трудом. Железная логика будней ломала, и не всем удалось выпрямиться. Выстоявшие вошли в победный сорок пятый год.

Перебирая в памяти калейдоскоп событий тридцатых и первой половины сороковых, годов становления повзрослевшего в войну поколения, невозможно оторваться от ощущения какого-то чуда, повернувшего страну и ее граждан к свету яркой созидательной гранью.

Да, время было тяжелое. А разве легко построить дом, если бревна еще на корню, кирпич не обожжен, а проект только в голове? В полтора десятилетия впрессована целая эпоха: от лапотной России до Великой индустриальной державы, низвергнувшей откормленную Западом гитлеровскую Германию. Нищая Россия после Гражданской войны не могла обути в ботинки свою армию и заказала для ее нужд пять миллионов пар лаптей, не говоря уже об удовлетворении других нужд.

Но страна стремительно набирала обороты, сметая с пути растерявшихся малочисленных. В условиях жесточайшей, может быть, не всегда справедливой требовательности выкристаллизовывался кадровый оплот страны. В лозунге «Кто не с нами, тот против нас» заключен смысл генеральной программы борьбы за единение народа.

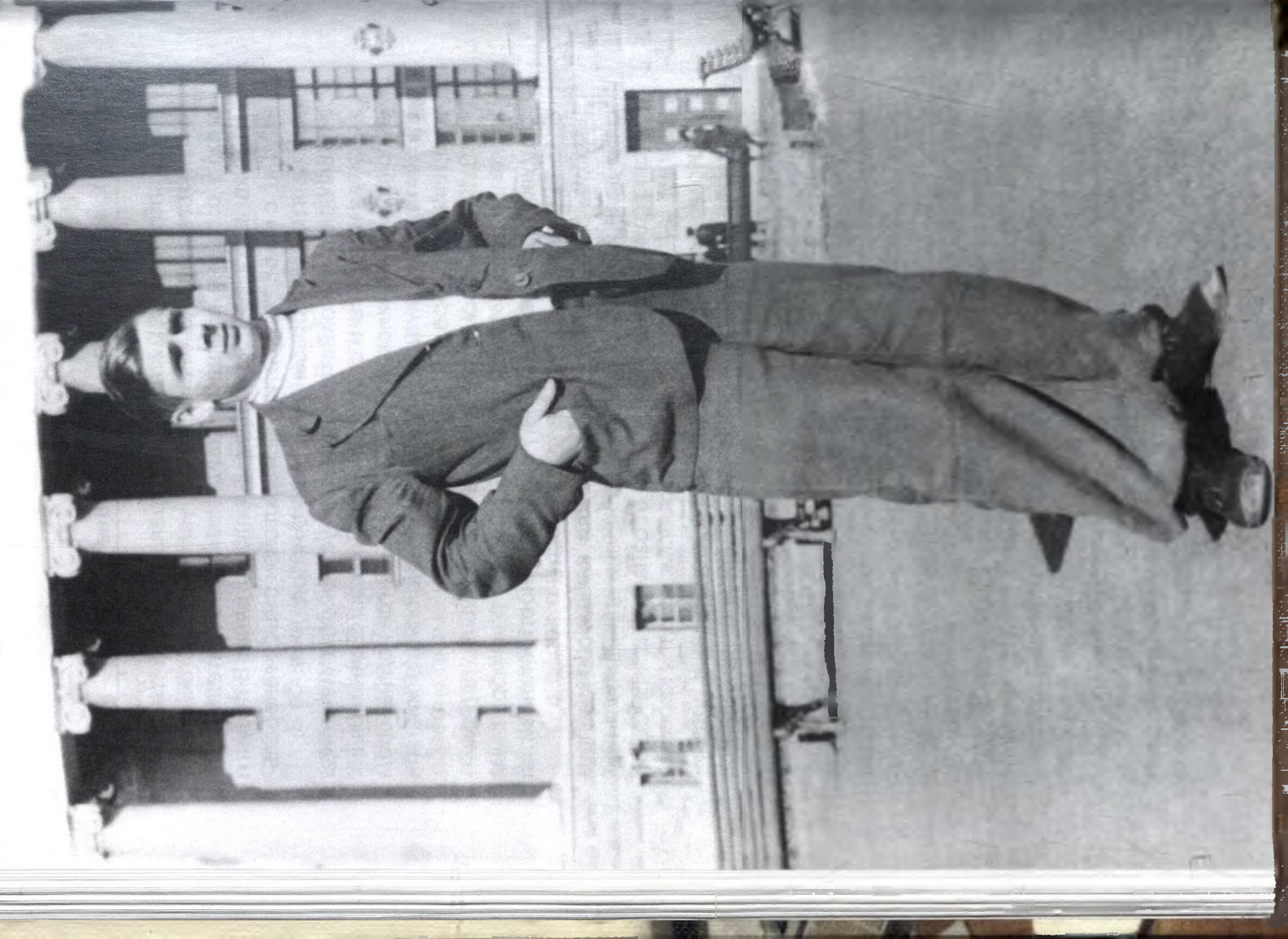
В горниле хозяйственного переустройства менялись люди, их интересы и социальные ориентиры. Единоличник с его замкнутым мирком где добровольно, где под напором обстоятельств впитывал коллективистские основы жизни и в деревне, и в городе.

Забота о личном оттеснялась на второй план: на первом — коллектив, завод, колхоз, страна. Возрастает роль моральных стимулов. Признание коллег, общественности становится более значимым, чем прибавка к зарплате.

Конечно, не все шло гладко. Были, как в любом непростом деле, загибы и перегибы, но не они определяли тенденцию, которую можно было бы обозначить как **БРОСОК В БУДУЩЕЕ**.

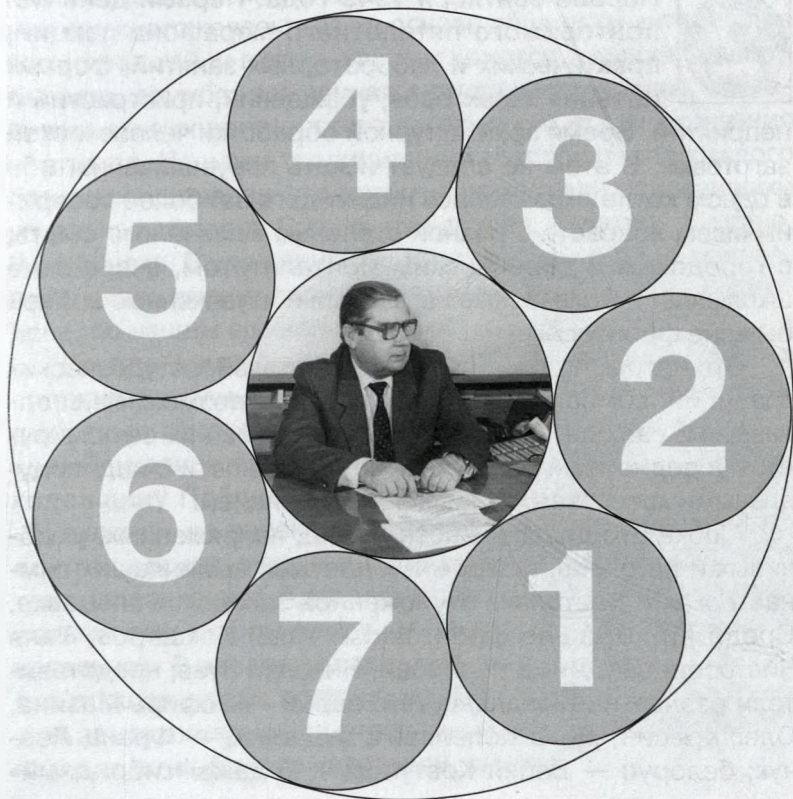
Новая эпоха с ее жизненными приоритетами органически вписалась в психологический портрет поколения, вступившего в войну со школьной скамьи. И в этом его главное отличие от предшественников.

Часть 2

В УРАЛЬСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Первое сентября 1945 года. Первый день неповторимого пятилетнего марафона лекций, практических и лабораторных занятий, формирования характеров, убеждений, пристрастий и неприятий. Время архитектурной обработки человеческой заготовки. В этом не следует искать преувеличения, ибо в одном котле оказывались индивиды в наиболее восприимчивом возрасте с разной степенью жизненного опыта, с городским и деревенским менталитетом, вчерашние школьники и отмеченные наградами и изувеченные войной бывшие фронтовики.

Это потом, под гнетом преподавателей и студенческих традиций, комсомола и профсоюза, всевозможных спортивных и самодеятельных организаций из них сформируется усредненный облик инженера, личности с индивидуальными качествами и жизненной позицией.

А пока это двадцать восемь лиц, напряженных, улыбающихся и не очень, в скромных платьях, вылинявших гимнастерках и тщательно отутюженной заводской спецовке. Среди них бывшие фронтовики: Иван Кокшаров, Таня Чистосердова, Дима Чернобай, Николай Зуев; представители разных национальностей: евреи — Эсфирь Мазина, Олег Кресин, Дина Копелевич; украинец — Франц Левчук; белорус — Вайян Ковтунович. И даже «гибридный»

русский — Рудик Шерстюк. В его метрической справке записано: отец — украинец, мать — еврейка, сын Рудольф Онисифорович — русский.

Старостой группы деканат назначил меня, по-видимому, из-за моего производственного и кое-какого студенческого опыта — перешел с заочного отделения. В параллельных группах старостами были назначены бывшие фронтовики Юра Агафонов и Рифат Урманов. Избраны, как и полагалось, где открытым, а где тайным голосованием комсомольский, профсоюзный и др. организаторы, состав редколлегии стенной газеты, получившей впоследствии название «Амплидин».

Свою задачу как староста группы, а в этом качестве я пробыл девять семестров, я видел, прежде всего, в создании дружного коллектива на основе общности интересов и возможностей, и в этом, как мне кажется, удалось сделать главное: дружба, рожденная в студенческие годы, сохранилась и на пороге шестого десятилетия после окончания института. На наши традиционные встречи после каждого пятилетия до недавнего времени приезжали однокашники из разных городов Союза: из Глазова, Ростова, Кургана, Челябинска, Верхнейвинска, Нижней Туры и др. К сожалению, жизнь вносит свои коррективы: иных уж нет, а изда-лече, по нашим временам, добраться непросто.

Группа дружно участвовала или активно болела на спортивных или других мероприятиях. Запомнились совместные вечеринки по случаю тех или иных праздников. Случались при этом и забавные истории. В первую годовщину Победы, 9 мая 1946 года, увлекли игрой в «бутылочку» на перекрестке трамвайных путей у главного почтамта празднующих и перекрыли движение трамваев в трех направлениях. А встречу нового 1947 года закусывали пельменями вперемешку с угольной пылью от центральной котельной. В последний день уходящего года в Свердловске прошел дождь, перемешавший вынесенные на балкон для замораживания постряпанные накануне пельмени с черным, от выбросов котельной, снегом.

На первом курсе. Группа Э-158

Общежитие энергофака размещалось в третьем студенческом корпусе. На первом этаже — столовая, три следующих — мужские, пятый — женский. Комнаты на четвертых, кухня и туалетный блок на этаж. В комнатах и особенно в местах общего пользования поддерживался почти идеальный порядок и чистота. За этим следила бытовая студенческая комиссия и комендант. Они организовывали всевозможные смотры и регулярные проверки. В комнате вместе со мной в разное время жили Юра Окунев, Ратмир Ваганов, Рудик Шерстюк, Женя Кокин, Гена Пургин. В последний год со мной жил брат Аркадий, тогда еще студент первого курса. Жили дружно. Я не припомню ни одной конфликтной ситуации. Первое время, следуя заводской «закалке», разговорный жанр был насыщен непереводаемыми на другие языки словосочетаниями. По общему согласию, за каждое выражение в зависимости от его сложности по соответствующему тарифу установили денежный штраф, поступавший в общую казну. Довольно быстро казна наполнилась, и ее содержание было израсходовано на групповую

фотографию, изготовленную в одном из лучших фотоателье города. Но проблема осталась. Решение нашли применением увесистой железной ложки, прикладываемой к мягкому месту нарушителя. Экзекутор, как правило, выполнял эту операцию на совесть. Два-три синяка на бескостном месте срабатывали намного эффективнее штрафов.

К занятиям готовились, а заданий было довольно много: то предстоящая контрольная, то курсовой проект, то просто чертеж или эюра по начертательной геометрии — в основном у себя в комнате, чему в немалой степени мешали гости а то и просто соседи, заглянувшие поболтать. Во избежание неприятных объяснений, на видном месте вывесили плакат: «Всяк входящий, помни, что твоего ухода ждут!».

Я никогда не занимался ночью, даже в период экзаменов. Только однажды, оказавшись с Женькой Кокиным в глубоком цейтноте с чертежами к курсовым проектам, решили наверстать упущенное за одну ночь. Для верности Женька достал, как ему объяснили, бодрящие таблетки. Мы приняли по одной, но, прежде чем сесть за чертежную доску, прилегли минут на пятнадцать-двадцать и проснулись утром, проспав сном праведника десять часов.

Первые годы рядовой быт был наполнен заботами об еде. Еще не отменена карточная система на хлеб и основные продукты. Хлебная норма для студента составляла 500 грамм в день. Обед по карточке в столовой, завтрак и ужин — широкое поле для самостоятельности. Стипендии, как всегда, не хватало. Подрабатывали на разгрузке вагонов с овощами и углем. Платили немного, но, что было важно, в тот же день. В одну из многоснежных зим сбрасывали снег с институтских корпусов. Делалось это с грубейшими нарушениями элементарных правил безопасности. Этакая дурацкая бравада, но все, к счастью, сошло благополучно. Пригодился и опыт электромонтера, удавалось подработать на выполнении мелких электро-монтажных работ. Кое-что перепало за тренерство в лыжной секции.

Студентов, нуждавшихся в дополнительном заработке, было немало. Поэтому при профкоме института была создана специальная группа по связям с работодателями, обратившись в которую можно было получить информацию о том, где, когда и на каких условиях предоставлялась та или иная работа.

Были среди студентов и занимавшиеся постоянным промыслом. Так, Юра Брусницын, с механического факультета, один из организаторов нашей экспедиции на Горный Алтай, выезжал в дальние деревни и выполнял заказы на изготовление фотопортретов. Справедливости ради следует отметить, что делал он свою работу на высоком профессиональном уровне. За продукцию платили главным образом продуктами. Проживая в маленьком домике на ул. Мамина-Сибиряка, он довольно сносно обеспечивал себя и сестру-школьницу.

Мои материальные дела значительно улучшились, начиная с третьего курса, когда на конференции спортивного общества «Наука» меня избрали заместителем председателя правления спортивного клуба. Должность эта оплачивалась на уровне преподавателя института.

Председателем спортклуба был избран Миша Сергеев, студент четвертого курса энергофака, бывший фронтовик, ушедший на фронт, будучи «белобилетником», с первой группой студентов-добровольцев.

Демобилизовавшись после войны в чине капитана, доучивался на последних курсах института. После окончания института работал по хозяйственной, профсоюзной и партийной линии, одновременно занимаясь наукой, защитил кандидатскую, затем докторскую диссертации, был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, являлся одним из руководителей Уральского научного центра.

М. А. Сергеева отличала деловая хватка, умение находить решения в непростых ситуациях, широкий кругозор и несомненный талант эрудированного трибуна. Судьбе было угодно свести меня с этим человеком на важной стадии формирования организаторских граней характера. Несмо-

тря на разницу в годах — он был старше меня на восемь лет — всю жизнь, вплоть до его смерти в 1993-м году, нас объединяла некая духовная близость, общность взглядов и оценок происходивших событий.

Но главной заботой и смыслом жизни этого периода была, конечно, учеба. Многим из группы, особенно нам, пришедшим в институт после длительного перерыва, вхождение в учебный процесс давалось трудно. Приходилось не только восстанавливать основательно позабытые школьные знания, но и настраиваться на высокую требовательность преподавателей, особенно по предметам, составляющим фундамент инженерной энергетики: математике, физике, теоретической механике, теоретическим основам электротехники и др. Лекции по большинству из них читали молодые доктора и кандидаты наук, некоторые впоследствии стали академиками (Черников, Кикоин).

Лекции по высшей математике профессора Черникова завораживали красотой и логичностью изложения. Не все усваивалось с ходу, но увлеченность лектора невольно передавалась аудитории, и порой казалось, что строгие формулы и доказательства превращаются в лирическую поэму. И совсем другой стороной профессор Черников предстал на экзамене. Его требовательность, во всяком случае к нам, энергетикам, не знала границ. Экзамен за первый семестр с первого захода из всей группы сдали только пять человек. Четверо из них сдали доценту Нефедьеву, и только мне удалось преодолеть проф. Черникова. Спасла быстрота реакции на первоначально неправильное решение.

Высшую математику, как и физику, нам читали три семестра.

Теоретические основы электротехники (ТОЭ) совершенно блестяще читал Янко-Триницкий, бывший в годы войны морским офицером и продолжавший носить черную флотскую форму не потому, что это было модно, а скорее всего у него, как и у многих других, не было другого костюма. В этом он не был исключением. Многие преподаватели и студенты, бывшие фронтовики, за неимением другой,

еще долго не снимали армейскую одежду. Где-то на второй или третий год после войны преподавателям выдали по отрезу сукна грязно-зеленого цвета, и вскоре многие из них оделись в костюмы из этого сукна, заметно отличившись от разномастной толпы студентов.

К экзаменам по ТОЭ готовились особенно тщательно. Необходимо было выучить на память все законы и выводы к ним, области их применения, бесчисленное множество решений задач и примеров. Зав.кафедрой Янко-Триницкий делил учебную группу пополам и экзаменовал два дня, с утра до позднего вечера. Не удовлетворяясь ответами на поставленные в билете вопросы, он прогонял дополнительными заданиями студента практически по всему курсу. На итоговом экзамене за последний семестр (ТОЭ читали нам три семестра) он испытывал меня пять часов кряду, перемежая дополнительные вопросы задачами порой с довольно сложным решением. За столом, по обе стороны от экзаменатора, одновременно сидело за таким же занятием еще несколько человек, и достаточно было кому-нибудь сбиться и не ответить на поставленный вопрос и... дополнительный заход обеспечен. Мне удалось, как мне казалось, успешно справиться со всеми вопросами, но в итоге в зачетке только четыре. Обидно, но преподавателю виднее. Со временем пришло понимание, что для студента, специализирующегося по электротехнике, повышенные требования по основополагающему теоретическому курсу столь же правомерны, как знание таблицы умножения.

Курс общей химии читался всего один семестр. Считалось, что для энергетиков и этого достаточно. Его вела Магда Робертовна Стромберг — немка, из числа тех, что были депортированы в самом начале войны из центральных городов Союза. Несмотря на возраст — ей было далеко за пятьдесят, — она обладала неистощимым запасом юмора, читая свой курс вперемешку с рассказами о путешествиях то к египетским пирамидам, то к римским развалинам. Расцвеченные такими красками формулы химических реакций уже не казались безнадежно скучными. Чтобы не делать

замечаний расшумевшейся галерке, лекции читались для всего потока в полтораэта человек в длинной, как пенал, аудитории химфака, она иногда спрашивала: — Молодые люди, там, в конце, я вам не мешаю?

Соответственно придаваемому значению курса химии складывались и требования на экзамене. Вспоминается случай, когда не слишком усердный студент из группы теплотехников Марк Бродский, поразмыслив над первым билетом, попросил второй, а затем еще одну замену, услышал в ответ:

— Марк Семенович, поклянитесь мне, что Вы никогда не будете заниматься химией!

Услышав, естественно, утвердительный ответ, поставила тройку к обоюдному удовольствию. Слово, данное на экзамене, Марк не сдержал, став впоследствии гл. инженером проектного института, в котором химия была далеко не на последнем месте.

В общем, химию мы учили шутя, а зря. Многим из нас более глубокие знания в этой области в практической деятельности были бы не лишними.

Кафедру иностранных языков возглавляла О. М. Веселкина, пожилая и очень полная выпускница Смольного института благородных девиц. Ее редкие выступления перед большой студенческой аудиторией были исполнены в духе неподдельного патриотизма и нравственной чистоты, не говоря уже об изяществе русской речи. Рассказывали, как она, выступая на митинге первой большой группы студентов и преподавателей, отправлявшихся добровольцами на фронт, благословила их и опустила перед ними на колени в земном поклоне.

По окончании второго курса в моей зачетке стояло две четверки: по ТОЭ, о чем уже говорилось, и по английскому языку. Для получения стипендии в следующем году одна из них была лишней. И я решился на пересдачу по английскому языку. Собеседование проходило на кафедре иностранных языков, занимавшей одну небольшую комнату. Беседа с нашей преподавательницей Е. М. Клинденберг, тоже воспитанницей Смольного, длилась довольно долго. Она задавала вопросы, я отвечал по-русски и по-английски,

не могу с уверенностью сказать, что все впопад. На нас обратила внимание сидевшая напротив за своим столом Ольга Михайловна и, получив разъяснение от моей преподавательницы, выдала: — Ну, и что ты к нему привязалась? В объеме программы он курсом владеет. А пятерка ему, по-видимому, нужна, ну и поставь! Ему же не преподавателем английского работать!

Запоминающейся личностью был доцент кафедры основ марксизма-ленинизма Каро Мкртчян. Выпускник Московского коммунистического университета, готовившего в основном кадры для зарубежных компартий, он был направлен на должность пропагандиста (была такая должность в партийной номенклатуре на стройках первой пятилетки) на строительство Богомоловского (Красноуральского) медеплавильного комбината. На воспоминаниях об этом периоде у нас сложились отношения добрых знакомых, почти земляков. На лекциях Мкртчяна не было скучно, не в пример другим преподавателям этой кафедры (Крацкин, сестры Мейеровичи). Говорил он с жутким армянским акцентом, но как-то восторженно, с образными сравнениями, а, увлекаясь, бывало путал русские слова с армянскими. Однажды, комментируя работу В. И. Ленина, он запомнил слово «проститутки» и выдал «политические блядки». Бывали у него и другие проколы.

В конце сороковых годов прокатилась волна борьбы с космополитизмом. Подверглась ревизии и техническая терминология, состоявшая, как известно, в основном из иностранных слов или словосочетаний. Иногда это, правда в редких случаях, имело смысловое оправдание, но в основном вся эта кампания смахивала на очередную глупость, раздутую ретивыми популяризаторами. Как-то на лекции по курсу «Электрические машины» доцент по фамилии Страшинин, увлекшись критикой специальных терминов, давно общепринятых в электротехнике, среди прочих предложил вместо термина «шина» употреблять слово «полоса» (медная полоса, алюминиевая полоса), за что был сам переименован в Страполоскина.

Добрую память о себе в профессиональном и человеческом плане оставили доценты Я. Н. Шпунгебрт, Г. П. Кропачев, зав.кафедрой ЭПП В. А. Шубенко, профессор, декан факультета, а затем ректор института Н. С. Сиунов, один из первой пятерки выпускников Уральского политехнического института.

Значительное место в жизни студентов занимали разнообразные формы общественной деятельности как важнейшая составляющая системы воспитательной работы. Комсомольская и профсоюзная организации с их многочисленными комиссиями и секторами, клубная самодеятельность, научное общество, редколлегия стенгазеты БОКСов (боевой орган комсомольской сатиры), институтская многотиражка «За индустриальные кадры», оборонные и др. секции. Но самым массовым увлечением студентов и преподавателей был, конечно, спорт.

Спортивную «закваску» прививали на первых курсах преподаватели кафедры физ. воспитания и спорта, которую длительное время возглавлял А. М. Вишневский. Костяк кафедры составляли старшие преподаватели, кураторы факультетов: Е. Н. Черноус — энергофак, Б. А. Журавлев — металлургический ф-т, И. С. Бондаренко — мехфак и др. Некоторые из них, будучи мастерами спорта (например, Е. Н. Черноус — мастер спорта дважды: по легкой атлетике и лыжам), продолжали выступать в составе институтских и факультетских команд, являясь, по существу, неформальными вожаками спортивных коллективов на своих факультетах.

В многочисленных спортивных секциях под руководством квалифицированных наставников получали спортивные навыки легкоатлеты, лыжники, гимнасты, боксеры, штангисты, волейболисты, велосипедисты, борцы, футболисты. В секциях формировался массовый спортивный актив, получивший организационное оформление в результате создания спортивного клуба, возглавившего массовые формы физкультурной работы в институте. Деятельность спортклуба пользовалась постоянной поддержкой руководства института и факультетов.

Основной задачей спортклуба считалось организационное стимулирование факультетских коллективов на достижение наилучших показателей в физкультурно-массовой и спортивной работе и, на этой основе, выявление наиболее талантливых спортсменов в состав ведущих команд института для выступлений в городских, межвузовских и других соревнованиях. Работа велась на базе специального «Положения о спартакиаде» с балльной системой оценки коллективов по двум номинациям: за место в спортивных состязаниях команд и массовость, исчисляемая в процентах, количества непосредственных участников к общей численности студентов факультета. Учитывалось также количество занимающихся в спортивных секциях, защитивших спортивные разряды, значкистов ГТО и др.

Постоянными соперниками за получение призового места были четыре факультета: энергетический, строительный, металлургический и механический. Первое место чаще других оспаривали строители и энергетики. На стройфаке спортбюро возглавлял (мой антипод) Марк Кинберг. Итоги спортивного сезона объявлялись на общем собрании студентов и преподавателей в переполненном актовом зале. Награждение победителей проводили директор института и руководители основных общественных организаций. Хрустальной вазой была отмечена и моя скромная деятельность как председателя спортбюро факультета за первое место в спартакиаде 1947–1948 гг.

В послевоенное пятилетие нашей первой сборной команде не было равных на эстафете на приз газеты «Уральский рабочий». Ближайшие команды ОДО (Окружной дом офицеров) и «Динамо» довольствовались вторым и третьим местами, если их не оттесняла наша вторая команда, по силе и мастерству немногим уступавшая первой.

Особый накал страстей всегда вызывала эстафета на приз газеты «За индустриальные кадры». Для преодоления дистанции из пятнадцати этапов (пять женских и десять мужских) факультеты выставляли более ста команд. Остальные, кто не мог бежать по той или иной причине,

*Эстафета на приз газеты «Уральский рабочий».
Наша сборная команда заняла первое место.
На снимке: на последнем этапе эстафетную палочку
принимает Н. Морозова*

активно болели за непосредственных участников. Это был настоящий праздник силы, воли, выносливости и коллективного сопереживания. Примечательна в этом смысле реакция на инцидент, произошедший во время эстафеты сорок девятого года. В заключительном забеге сильнейших команд на старте не оказалось участника от команды энергофака, главного претендента на первое место. В результате победителем оказались строители. Выяснилось, что один из сильнейших бегунов института, к тому времени уже дипломник энергофака Донат Копытов, обидевшись на кого-то, демонстративно не вышел на старт. Возмущение поступком было всеобщим. Победители, команда строительного факультета, выступила с предложением провести «суд чести». В спортклубе эту идею немедленно облекли в соответствующую форму: подобрали состав общественного суда, обвинителя, защиту, технический аппарат. Через три с половиной часа после окончания эстафеты без дополнительных объявлений актовый зал главного корпуса был заполнен до отказа.

На сцене: судьи, общественный обвинитель В. Мельников, секретариат. У большинства на груди «иконостас» фронтовых регалий.

В зале, на отдельной скамейке, Д. Копытов. В первом ряду его отец, преподаватель одной из кафедр.

Тишина, какой не бывает ни на одной лекции.

В выступлениях общественного обвинителя, студентов и аспирантов разных факультетов, спортсменов и просто болельщиков (не было только начальства) звучали резкие оценки не только самому поступку, но и причинам, его породившим. Отмечалось, что эгоизм и высокомерие в характере Копытова, проявлявшиеся и ранее, не спонтанное явление, а следствие семейного воспитания. Досталось «на орехи» и его отцу. Выступавшие, единодушно поддерживаемые присутствовавшими в зале, с неподдельным гневом осуждали поведение Доната как несовместимое с достоинством и честью советского человека-патриота.

Главные болельщики: М. А. Сергеев, председатель спортклуба, будущий член-корреспондент АН СССР; В. В. Мельников, член парткома, будущий ректор Челябинского политехнического института; А. С. Качко, директор института; Ю. Л. Кириллов, секретарь парткома; А. С. Поплаухин, участник эстафеты, зам. председателя спортклуба; А. М. Вишневский, зав. кафедрой физвоспитания; М. С. Бродский, член профкома

После более чем двухчасового обсуждения с соблюдением необходимых процедурных формальностей, суд вынес свой вердикт, встреченный одобрительными аплодисментами:

— Объявить общественный выговор!

— Просить директора отчислить Копытова из института с направлением на производство и правом защиты дипломного проекта через год с условием предоставления положительных характеристик.

На следующий день вышел соответствующий приказ директора института. Конечно, с формальной точки зрения этот приказ не имел законных оснований, но, сыграв свою роль, через некоторое время по просьбе профсоюзной организации, принявшей по этому вопросу специальное постановление, был дезавуирован, и Донат защитил свой дипломный проект той же весной. Но намечавшаяся аспирантура была заказана.

Не знаю, усвоил ли этот урок Копытов, но общественное звучание «суда чести» для коллектива института трудно переоценить. Суд и события вокруг него ярко высветили главные общественные приоритеты вышедшего из войны поколения, еще одну грань его психологического портрета.

Для тех, кто не любил бегать или напрягать мышцы в других видах спорта, устраивались встречи за шахматной доской. Практиковались, кроме квалифицированных турниров, матчевые встречи между командами факультетов. Так, матч между металлургами и энергетиками состоялся на 120 досках. Обычно из помещений с таким количеством участников и не меньшим болельщиков валил такой дым, что впору было вызывать пожарную команду. Но такова традиция: с сигаретой лучше думается.

У спортклуба были немалые заботы: содержание собственной базы спортивного инвентаря, аренда помещений для тренировок баскетболистов, плавательного бассейна, оплата многочисленных тренеров, дополнительного питания для спортсменов на тренировочных сборах и др. Все это требовало немалых средств. Основное финансирование осуществлялось Областным Советом ДСО «Наука», частично институтом, а в трудные периоды вовлекались и самостоятельные резервы, как правило, не очень законные. Например, устраивались платные вечера с показательными выступлениями ведущих спортсменов. Выручка втайне от финорганов шла в кассу спортклуба.

Однажды, когда у спортклуба оказалась задолженность в сорок тысяч руб. за аренду тренировочного зала, я обратился за помощью к и.о. директора института Н. С. Сиунову. Николай Сергеевич, в своей иронической манере отчитав меня, заявил: — А зачем нам спортзал, мы же инженеров готовим, а не спортсменов.

Дополнительно к изложенным аргументам я указал на многочисленные призы, живописно расставленные на директорском столе для заседаний. Это были разного рода произведения художественного литья, специальных призов еще не выпускали, на что он, в свою очередь, ответил:

— Знаешь, они только мешают работать. Не далее как вчера созвал я ученый совет, все сели, а один, заслуженный профессор, не садится.

— Не сяду,— говорит,— тут перед самым носом баба с голой жопой стоит!

А между тем накручивал телефон, пока не нашел, кому оплатить злополучный счет.

Ежегодно, в одном из городов Союза проводились командные соревнования на призы Минвуза и ЦС ДСО «Наука». Летом сорок девятого такие соревнования проводились в Одессе. Наша делегация насчитывала более ста спортсменов. За первое место в спартакиаде среди вузов команда была премирована на обратный путь путевками по Черному морю на комфортабельном пароходе «Россия» (бывшем немецком «Дойчланд»), а затем на туристическом пароходе по Волге до Перми.

Одесса, несмотря на огромные разрушения, причиненные ей войной, к этому времени выглядела уже вполне нормальным городом. Многие здания были восстановлены, на других шли строительные работы, а те, до которых еще не дошли руки, скрывала буйная зелень. Работали магазины, рестораны, множество мелких забегаловок, особенно на побережье, и все с морскими названиями: Прибой, Волна, Девятый вал и т. п. Редкие столовые поражали неряшливостью. Даже ходил такой анекдот: на вопрос посетителя, почему в стакане обрывок газеты, последовал ответ на характерном одесском жаргоне:

— А вы хотели, чтобы вам в стакан за три копейки шелковый костюм положили!

Или:

— Почему чай несладкий?

— А вы куда крутили ложечкой?

— Вправо!

— Ну вот, а сахар ушел влево!

Дерибасовская восхищала архитектурой, а Английская набережная и знаменитая лестница (по кинофильму «Броненосец Потемкин») были расцвечены фонарями всех